

ПОД
АЛЫМ
ПОЛОГОМ
ЛУНЫ

~~~~~
Содби ге Мух

Софи де Мур

Под алым пологом луны

«Автор»

2026

де Мур С.

Под алым пологом луны / С. де Мур — «Автор», 2026

Мавис верила, что живет в сказке. В ее мире есть драконы, чудеса и люди, которым можно доверять. Но однажды она узнает, что за всем этим скрываются война, заговоры и тайны. Теперь Мавис предстоит повзрослеть в мире, где добро и зло уже не так легко отличить друг от друга. А некоторые истины способны навсегда изменить того, кто их узнал.

© де Мур С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	19
Глава 4.	23
Глава 5.	31
Глава 6.	34
Глава 7.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Софи де Мур

Под алым пологом луны

Глава 1.

Юная дева, что верила в сказки,

Жила меж ветвей Изумрудных лесов.

879 год от вознесения богини луны Нотт.
Долина Изумрудных лесов.

Яркое желтое солнце показалось на горизонте, озаряя длинными лучами верхушки высоких деревьев, ограждавших, словно живая изгородь, маленькие деревянные хижины, стоящие в самом центре раскинувшейся среди леса опушки. Над этими скромными, покосившимися постройками, гордо возвышался двухэтажный домик. Он был собран, казалось, из множества таких же скромных домиков, но только маленьких. Стены, обитые разноцветными досками – выцветшими на солнце или приколоченными чуть позднее своих собратьев, – создавали впечатление украшенного многочисленными заплатками старого платья.

Но только самый невнимательный путник мог почувствовать печаль от этого зрелища. Остальные же видели за выющимися стеблями плюща и дырявой крышей настоящий замок, полный любви и уюта.

За тонкими оконными стеклами виднелись яркие шторы, украшенные пестрым рисунком цветов. Крыша прохудилась, но была заботливо залатана маленькими кусочками черепицы, а узкую, усыпанную гравием дорожку окружал настоящий сад из всевозможных растений и цветов.

Раннее утро только-только наступило, но в окнах уже зажегся уютный желтый свет, выливаясь на пушистую траву лужицами сладкого меда. Послышались сонные голоса обитателей названного замка.

Казалось, эту идиллию ничто не могло разрушить, как вдруг тяжелая деревянная дверь с грохотом распахнулась, спугнув птиц с ближайших деревьев.

В проеме показалась девчушка лет двенадцати, с копной растрепанных пшеничного цвета волос. Она закрыла глаза и шумно втянула утренний воздух. Прохлада проникла в легкие и расплзлась по всему ее худому, даже нескладному, телу. Секунда – и вот она уже несется по мокрой от росы траве, прочь от своего замка. Лицо ее озарила широкая улыбка, такая чистая и невинная, что, казалось, могла покорить весь мир.

— Мавис! — послышался женский голос, разнесшийся по округе вместе с ароматом свежее испеченного хлеба. — Сколько раз говорила – надевай обувь! Простудишься.

— Не простужусь! — закричала девочка в ответ, не сбавляя скорости.

Ее босые ноги утопали в пушистой траве, а встречный ветер ласково обдувал круглое лицо и развевал белое потрепанное платье.

Мавис бежала, вдыхая освежающий воздух, до тех пор, пока перед ее глазами не замаячил крохотный амбарчик, обнесенный кривым забором.

— Па-пааа! — громко закричала она, чуть не споткнувшись при этом о ветку, запрятавшуюся в густой траве.

Через секунду над забором появилась крупная фигура, раскинувшая руки в стороны. Девчушка сделала последний рывок и что есть сил прыгнула в крепкие объятия отца.

— Что ты здесь делаешь, ягодка? — спросил мужчина, поглаживая большой ладонью растрепавшиеся волосы дочери. — Солнце только-только поднялось.

— Не могла дожидаться, — Мавис надула губки. Она делала это часто, потому что была уверена в эффективности этого приема. — Ты же обещал. Неужели забыл?

— Нет-нет. Как я мог. Но мне еще нужно закончить работу, а тебе позавтракать.

Артас Лобелия был крупным мужчиной под два метра ростом с широкими плечами, больше напоминающими горы Белых Ветров на юге. Он был одет в простенькую льняную рубаху, пропитанную сладковатым запахом трав и потом. Рукава, по обыкновению, были закатаны до самого локтя, открывая мускулистые предплечья. На левом виднелся застарелый шрам. В сравнении с отцом Мавис выглядела хрупкой, словно ваза, готовая вот-вот упасть с полки. Ее миниатюрная фигурка сильно контрастировала с изнуренным тяжелой работой телом мужчины.

— А знаешь что? — спросила Мавис, отстраняясь от отца. — Давай я тебе помогу. Вдвоем же быстрее.

— Ну что ты, ягодка, — ответил Артас, окидывая взглядом свое рабочее место: глубокие корыта, наполненные приторным травяным отваром — такие большие, что Мавис могла поместиться туда целиком, — ножи, щетки, готовые лоскуты кожи, вывешенные на веревку. — Не девичье это дело.

— Да ну тебя! Выделка драконьей кожи у меня в крови! — с жаром воскликнула Мавис, подняв с земли тяжелую щетку с металлическими щетинками.

Артас не смог устоять перед ее напором, лишь тихонько вздохнул и принялся раскладывать на траве два новых лоскута.

Драконья кожа отличалась несравнимой прочностью, но только если ее правильно обрабатывать. Иначе ценный материал начинал дурно пахнуть. А поскольку чаще всего из этого сурового материала делалась одежда для воинов и прочие походные аксессуары вроде мешков и фляжек, у обладателей некачественной кожи могли возникнуть проблемы в виде ничем не смываемого парфюма. Как раз поэтому дубильщиков ценили во все времена и старалисьшний раз им не грубить.

Мавис уже не терпелось приступить к работе — физический труд ее отнюдь не пугал. Она была активным ребенком, вечно влезавшим в передряги. В три года она искупалась в бочке с вином на свадьбе своей тетки; не случайно упала, а специально захотела понырять. В пять украли у соседей четырех гусей и поселила их на чердаке. Она дала каждому из них имя и проводила чайные церемонии до тех пор, пока мама по запаху не почуяла что-то неладное. В девять влюбилась в сына проезжего торговца, тайно залезла в повозку и чуть не уехала в столицу; повезло, что отец решил купить пару мешков соли, за которыми она и пряталась.

Теперь же, повзрослев, Мавис сменила детские проделки на одну большую мечту — увидеть мир. Мысль эта, пришедшая ей ровно в день, когда ей исполнилось одиннадцать, уже не казалась глупой. Ее можно понять. Дубильщикам, работавшим с драконьей кожей, нельзя было селиться в городе, как раз по причине возможных недоразумений с запахом, поэтому им и их семьям приходилось жить в отдалении.

Семья Лобелия жила в окружении Изумрудных лесов. Здесь было спокойно, тихо, но до ближайшего города приходилось добираться не меньше полдня на повозке. Отец выбирался туда раз, может, два в месяц, чтобы отдать готовые заказы и получить новые. Мавис, из-за юного возраста, до сих пор в поездки не брали — она оставалась с матерью и грустно вздыхала,

глядя в окно на удаляющуюся фигуру отца. Но в одиннадцать лет, когда она изъявила желание посмотреть мир, отец пообещал, что возьмет ее с собой, когда ей исполнится двенадцать.

С дня рождения прошел уже месяц, наступил день отбытия в город, поэтому Мавис не спала всю ночь и теперь искренне хотела помочь отцу с работой.

Тот в свою очередь уже расстелил на траве, чешуйками вниз, два лоскута драконьей кожи, каждый из которых был в длину около метра. Кожа эта была толстая, неподатливая, лежала ровно как сплошной лист металла.

— Они уже вымоченные и по большей части обработаны, так что осталась только щетка, — сказал Артас, опускаясь на колени у одного из лоскутов. Мавис не отставала.

Тем временем на зеркальной глади Рубинового моря, опустив паруса, дрейфовал небольшой кораблик, размеренно покачиваясь на волнах. Юные матросы устало сидели, прислонившись к мачтам и бортам, протирая вспотевшие лбы. По палубе в отдалении от них расхаживал мужчина в тяжелых кожаных сапогах. Лицо его покрывала жесткая щетина и глубокие складки морщин. Его одежда была изрядно потрепана и испачкана, но все равно излучала ауру богатства и шика, хоть и давно потерянного.

Мужчина ходил из стороны в сторону, периодически доставая из кармана смятую пожелтевшую карту. Пару минут спустя он, очевидно, не выдержав своих же мыслей, последний раз бросил взгляд на виднеющуюся вдалеке землю и направился в трюм.

Темнота и прохлада отдавали сыростью. Желтые лампы тускло освещали пропахшие рыбой стены и заляпанный дешевым вином пол. Мыши на этом корабле уже давно не боялись людей, так что, когда вздутая от влаги дверь со скрипом открылась, продолжили доедать в углу рассыпанные кем-то пшеничные зерна.

Мужчина прошествовал вглубь темного помещения, к дощатым ящикам и мешкам с провизией. Там в самом дальнем углу, до которого едва доставал свет ламп, на парусиновом гамаке покачивался юноша.

— Лим Ирвис? — тихо позвал мужчину, вглядываясь в юное лицо, укрытое плотной темнотой.

— Меня бесит это имя, Морис, — отозвался мальчик, не открывая глаз. Он казался спокойным, но руки его нервно теребили растрепавшийся край рубахи.

— Оно ваше, уважаемый лим. С этим ничего не поделать.

— Если пришел подлизываться – уходи, — Ирвис показательно отвернулся к стене, из-за чего гамак опасно качнулся, угрожая вот-вот перевернуться.

— Мы стоим у земель Линума. Ночью сможем выйти к городу.

Юноша зашуршал одеждами, но так и продолжил глядеть в щели между досок стены.

— Ночью? Ну да, подумаешь, еще какой-то день в этой дрянной яме. Я же еще недостаточно провонял тухлой рыбой за эти две недели.

— Уважаемый лим, вы знаете правила.

Долина Изумрудных лесов.

Мавис и Артас уже закончили с выделкой последних лоскутов кожи. Их одежда пропиталась потом, а тела блестели в лучах взошедшего солнца. Убрав в старый амбар инструменты и развесив кожу на веревках, отец и дочь направились к дому.

Из окон знакомого замка уже доносились ароматы свежее испеченного завтрака. А добрая фея Туна порхала на крохотной кухне, расставляя по местам тарелки.

— Мама! — воскликнула Мавис, с шумом забежав в дом, чуть не уронив вешалку с верхней одеждой. — Мы вернулись.

— Я уж подумала вы уехали без завтрака, — добрая фея поправила свой фартук, на котором красовались следы от муки и варенья. — А то пропали, от вас ни слуху ни духу.

— Мавис помогала мне с работой, — Артас зашел в дом и первым делом направился к жене, чтобы одарить ее крепкими объятиями и поцелуем. — У нее талант.

Туна пробормотала что-то невнятное вроде «не женское это дело», но, кроме нее, эти мысли никто не услышал, так что она просто мило улыбнулась и поблагодарила дочь за помощь.

Когда еда на столе уже была расставлена, а три из четырех сервированных мест были заняты, послышались неторопливые шаги на лестнице, ведущей на второй этаж к спальням.

— Доброе утро, — послышался сонный голос. В кухню вошел юноша.

— Будешь так спать – останешься без завтрака, — Мавис схватила сладкую булку с общей тарелки и откусила большой кусок, не столько от голода, сколько для того, чтобы добавить театральности моменту.

— Глядишь, хоть тебе больше останется. А то худющая такая – ветром унесет. Таких в жены не берут, — юноша уселся на свое место, потирая глаза.

— А я и не хочу замуж! Вдруг все мальчишки такие же противные, как ты.

— Доброе утро, Дин, — дружелюбно ответила Туна, пропуская мимо ушей перебранку детей.

В семье Лобелия – это было обычным делом. Артас и Туна состояли в браке уже больше двадцати лет. За это время они успели обзавестись не только собственным двухэтажным замком с флюгером в виде дракона на крыше, но и четырьмя детьми.

Дин Лобелия был младшим сыном и старшим братом Мавис – ему недавно исполнилось семнадцать и он все еще жил в родительском доме. Он любил поспать, но при этом отличался удивительным трудолюбием: занимался огородом и ухаживал за парой куриц, исключительно декоративных. Раньше они несли яйца, но уже давно перестали. На мясо их тоже не пустить – больно старые, да и Мавис к ним привязалась.

Когда с завтраком было покончено – тарелки опустели, а язвительные подколы между детьми закончились, Туна торжествующе хлопнула в ладоши, привлекая внимание собравшихся.

— У меня для вас есть сюрприз. Сегодня пришло письмо от ваших братьев!

Все разом разразились радостным смехом. Два старших сына Лобелия служили в Имперской армии и редко бывали дома, да и письма тоже посылали не часто. А все, потому что на Западе шла война с соседней империей Белла. За последние пятьдесят лет страны уже не раз сходились в боях, но причины новых конфликтов давно смешались с историей и политикой.

Когда из кармана фартука показался белый конверт с ярко-красной печатью, все три пары глаз внимательно уставились на него. Туна быстрым движением вынула исписанный косым почерком листок и начала читать:

«Дорогие матушка и отец,

Любимая сестренка Мавис и разгильдяй Дин.

С последнего письма прошло больше месяца, приношу свои извинения, если заставил вас поволноваться, но в последнее время у нас нет ни минуты свободного времени. Как ваши дела? Как здоровье у тебя, матушка, и у тебя, отец?

У нас дела идут неплохо, выдали новую форму. От этого сразу нахлынули воспоминания о родном доме. Мечтаю поскорее вернуться в любимый Изумрудный лес и отведать домашней выпечки. Нет, кормят нас хорошо, конечно, но после стольких дней пища с костра начинает надоедать.

На Западе тоже дела идут хорошо, капитан говорит, скоро сможем продвинуться и занять Золотые берега Беллы.

*Да хранят вас звезды,
С любовью, Руфус».*

На этом одна сторона листа закончилась. Ровные буквы и структура письма как ничто другое характеризовали старшего сына Лобелия. Умного и ответственного. Вторая часть письма, написанная рукой среднего сына, таким порядком не отличалась:

«Мои,

У нас все хорошо. У вас, надеюсь, тоже.

Мы живы и здоровы, если не считать прыща в причинном месте Руфуса, на который он жалуется уже несколько дней.

На Западе продвигаемся, долетают вести, что беллийская армия на последнем издыхании. Надеемся скоро оказаться дома.

Люблю, Блейн».

Город Элден, столица.

Большой зал освещали многочисленные свечи и лампы. Лучи солнца падали на пол, оставляя разноцветные рисунки витражей. Массивные резные колонны устремлялись далеко ввысь, к потолку, украшенному мозаикой с изображением лунной богини Нотт. Красная ковровая дорожка бежала от самых дверей до массивного трона в дальней части зала.

Там, на этом троне с высокой спинкой, восседала женщина, облаченная в платье из шелковых тканей, увешанная многочисленными украшениями. А на голове ее, бросая отблески света, возвышалась диадема, очаровывавшая любого, кто на нее посмотрит: тонкие нити золота сплелись воедино, образуя элегантную, словно побеги розы, основу, на которой, подобно звездному небу, сияли мириады звезд.

Женщина сидела, подперев лицо рукой. На вид ей было около сорока и внешность уже начинала терять прежнюю красоту молодости, приобретая стать. В натуральных блондинистых волосах начали появляться проблески седины, а на лбу залегли морщины.

Это была Фессалия Лейтбат-Корнокс, действующая императрица Линума. Она смотрела на низкого, слегка сутулого мужчину перед собой, беспокойно перебиравшего многочисленные документы в руках:

— Ваше Сиятельное Величество, — мужчина заметно волновался, — Ваш покорный слуга принес вам отчеты по недавнему исследованию, разрешите доложить.

Фессалия лишь махнула рукой, не обращая внимания на взволнованный тон мужчины, давая ему понять, что он может продолжать. А тот, заметив благоволение, едва подавив улыбку, затараторил:

— Недавние исследования принесли плоды. Результаты просто невероятны. Кто бы мог подумать...

— Ближе к делу, Цилис, — императрица не выдержала — ей сейчас было не до размытых заверений в успехе, ей нужны были факты.

— А, да... — мужчина замялся, но через секунду продолжил: — Последняя формула сыворотки, разработанная вашим покорным слугой, возымела эффект. Лабораторные мыши и кролики успешно преодолевают не только железные прутья клетки, но и свои физические ограничения. Их сила и выносливость увеличились более чем в три раза...

— Побочные эффекты? — раздражение Фессалии заметно уменьшилось, а на его место пришла искренняя заинтересованность.

— На данном этапе проявляется только сыпь в месте укола. Для дальнейших исследований нужно больше времени. Однако я решил, что нынешних успехов достаточно для перехода на следующий этап.

— Отлично, и что для этого нужно?

Мужчина отвел взгляд, боясь продолжать. Он не знал, какой реакции ждать от Ее Сиятельного Величества на эту просьбу, но все-таки произнес заветные слова. Несколько секунд в зале стояла тишина.

Наконец Фессалия махнула рукой и сквозь улыбку произнесла:

— С этим проблем не возникнет.

Глава 2.

Но мир ее треснул, выцвели краски,

Когда на подворье послышался зов.

Долина Изумрудных лесов.

Когда последние приготовления были закончены: вещи уложены в походные мешки, еда заботливо завернута в куски пергамента, а лошадь семьи Лобелия, носившая гордое имя Искра, запряжена в повозку, семейство Лобелия покинуло свой замок и выстроилось у дороги, усыпанной гравием.

— Вы точно взяли стеганое одеяло? — мать семейства заметно переживала, ведь ее любимая дочь впервые так далеко отбывала из дома. Пусть и ненадолго. — Вдруг в дороге что-нибудь случится. Вы задержитесь. Ночью может быть холодно...

Артас же совсем не переживал – путь был давно знакомый, поэтому он любовно обнял жену, подарив ей нежный поцелуй в лоб, и ласково успокоил ее:

— Все будет хорошо, дорогая. Мавис же со мной. Обещаю, ничего не случится.

Так, обменявшись еще несколькими крепкими объятиями друг с другом, члены семьи распрощались. Артас и Мавис забрались в повозку и размеренно двинулись по неровной дороге, пока Дин и Туна, трагично вытиравшая подступившие слезы, провожали их, стоя у родного двухэтажного замка.

Началось первое в жизни Мавис настоящее приключение. Она наконец выбралась из Долины Изумрудных лесов и могла хотя бы одним глазком взглянуть на большой мир – тот самый, который до сих пор существовал лишь в ее мечтах.

На самом же деле это путешествие, несмотря на все надежды маленькой принцессы, все-таки мало напоминало сказки. Дорога, усыпанная ветками и камнями, постоянно петляла, из-за чего периодически подкатывала тошнота. Искра, давно оставившая свои лучшие годы на картофельных и пшеничных полях, шла так медленно, что, казалось, ее можно обогнать пешком. А повозка, которая должна была превратиться в изысканную карету, оказалась просто повозкой: деревянная телега, устланная камышовой циновкой, с крышей из войлока на дугообразных жердях.

Мавис, однако, старательно этого не замечала. Она немного нарушала принцип «одним глазком» и, не переставая, любовалась проплывающим мимо пейзажем из своего темного укрытия, отодвинув одну из закрывающих вход штор. Каждая мелочь казалась ей достойной внимания: яркие желтые цветы, поляна меж деревьев или мелькнувшая в кустах лисица.

Впервые выбравшись так далеко, Мавис поняла, почему ее родной лес зовут Изумрудным. Понять это название по-настоящему можно только тогда, когда последние дома теряются из виду, а дорогу, бегущую до самого горизонта, плотным рядом с обеих сторон окружит непроглядный еловый лес.

Так и прошла большая часть их пути – в искреннем любовании природой. Но, когда солнце начало все ближе и ближе подступать к горизонту, Мавис все же потеряла свой изначальный задор:

— Пап! А мы скоро уже приедем? — долгое ожидание изматывает ничуть не меньше жесткой циновки, от которой болят все мягкие и не очень места.

— Осталось совсем немного, ягодка, — отозвался Артас, стойко переносивший деревянные козлы, на которых восседал. — Еще не больше часа и будем в городе.

Мавис выглянула из своего укрытия и изо всех сил сощурила глаза, чтобы разглядеть впереди хоть что-нибудь: Изумрудный лес давно остался позади, и теперь путников окружали лишь бескрайние поля.

— Точно! Вижу! — воскликнула девочка, опершись руками о борт повозки. — Вижу огни. Там, впереди!

— Ну что ты, город еще километров так через десять будет.

— Да точно тебе говорю! Вон там, справа, — Мавис одной рукой повернула голову отца, а второй указала вдаль, чтобы тот точно увидел то же, что видит она.

— И правда... — Артас почесал затылок. — Может, почтовую станцию отстроили или кабака какой. Не должно тут людям быть еще, поселения дальше начинаются. Или, может, забыл, хотя как же, каждый месяц по этой дороге проезжаю...

Так Артас и размышлял, пока огни не оказались совсем близко, а на дорогу не выбежал мужчина, преграждая повозке путь.

— Именем Имперской армии, приказываю остановиться! — громко закричал он.

Сумерки все сгущались, разглядеть что-то становилось все труднее, и Мавис долго не могла понять, что это за человек и почему тут горят костры. Но сейчас все было ясно. Мужчина этот был не просто пьянчугой, решившим разделаться с бутылкой чего-нибудь крепкого подальше от суровой жены, а настоящим солдатом. Более того, он тут был не один — вокруг костров расположился настоящий контрольный пункт.

— Добрый вечер, уважаемый лим, — Артас не стал противиться приказу и тут же остановил повозку. Но, несмотря на это, вел себя осторожно. — Службу несете, ребята?

Солдат поежился от такого обращения, но спорить не стал.

— Так точно. По Императорскому указу мы должны осмотреть вашу повозку на предмет наличия контрабанды, изменников и государственных преступников.

— Осматривайте, мне скрывать нечего, — Артас одним махом спрыгнул с повозки, оказавшись совсем рядом с солдатом, поразив того своим почти великанским ростом. — Мавис, ягодка, спускайся. Не будем мешать добрым солдатам делать свою работу.

Та немного помедлила, ведь до этого оставалась совсем незамеченной в своем войлочном укрытии, но все-таки решила спуститься.

— А... — солдат все еще со страхом глядел на мужчину, возвышавшегося над ним почти на двадцать сантиметров. — А это, извините, кто?

— Это дочка моя. Мавис звать. Вот на работу с папкой поехала, — Артас ответил быстро, ничуть не раздумывая, приобнимая уже спустившуюся дочь за плечо.

— Кем же вы работаете, уважаемый лим?

— Дубильщиком драконьей кожи. Как мой отец и его отец. Вот каждый месяц этой дорогой езжу, никогда вас раньше не видел. Случилось чего?

Солдат поморщился, явно обдумывая, как правильно ответить, ведь даже малейшая грубость в этой ситуации была явно неуместной.

— Как же не случится-то? Война идет. Неужто не слышали?

Артас только открыл рот, чтобы пуститься в долгую душевную беседу: «вот, мол, сыновья у меня воюют, как и вы родину стерегут», но не успел он даже начать, как его тут же прервали:

— Все чисто! — донеслось из повозки. Времени они явно не теряли. Пока один забалтывает, второй проверяет, третий держит наготове меч. — Можешь отпускать!

— Что ж, пусть хранят вас звезды, — тут же официально протараторил солдат, стоящий с Артасом и Мавис, и отправился обратно к кострам. — Можете ехать.

Вот они и поехали. Однако весь оставшийся путь Артас провел в молчаливой задумчивости, несмотря на все попытки Мавис привлечь его к внимательному изучению окружающей природы. Мужчина выбрался из своих глубоких мыслей только тогда, когда дочь навалилась ему на плечи, перегнувшись через борт повозки, с громким криком: «Это Вириан! Вириан! Мы приехали!».

Артас встряхнул головой, как бы пробуждаясь ото сна, и перед его глазами тут же засияли яркие огни приближающихся домиков.

Вириан был шумным торговым городом, на широких улицах которого днем тянулись бесконечные ряды торговых лавок, а ночью расцветали многочисленные кабаки и таверны. Здесь круглосуточно жгли свечи и лампы, а мальчишки в полосатых рубашках зазывали прохожих приобрести новый меч по сходной цене или заглянуть в дом любви, чтобы спастись от ночного одиночества.

Несмотря на то что Вириан был ближайшим к Рубиновому морю городом, война почти не мешала его жизни. Фабрики и ремесленные мастерские работали на армию, а товары из-за моря по-прежнему попадали на прилавки.

Повозка Лобелия пересекла ворота города, пройдя перед этим еще одну проверку грузов, когда Вириан уже вступил в свою ночную фазу: все вокруг было залито ярким желтым светом, на улицах толпился народ, отовсюду доносились звуки флейт и развеселых песен, от которых ноги так и пускались в пляс.

Мавис, увидевшая это все впервые, распахнула рот от удивления и все бегала туда-сюда от переда повозки к задку, стараясь запечатлеть как можно больше нового. Она чувствовала себя принцессой, которую везут в прекрасной карете к величественному замку, а люди вокруг восхваляют Ее Величество. Конечно, никто на нее даже не смотрел, но одной только мысли об этом было достаточно, чтобы сердце забилось быстрее.

И вот, изящная карета привезла Ее Сиятельство Мавис к замку. Только название у него было не очень величественное: таверна «Жабий луг».

Это было узкое трехэтажное здание, такое несуразное, что могло показаться, будто соседние дома его нарочно сплющили. В окнах горел свет, а из-за дверей доносились пьяные голоса постояльцев.

— Мы будем здесь жить? — тихо спросила Мавис, спрыгивая с повозки.

Артас немного замялся. Он всегда останавливался здесь, но сейчас с ним была его маленькая дочь — наверняка она к этому была не готова.

— Прости, ягодка, — мужчина опустил взгляд, как бы рассматривая носки своих сапог. — Жилье здесь дороговато, наверное, следовало найти что-нибудь...

Не успел он договорить, как Мавис радостно воскликнула:

— Вот здорово! Всегда мечтала переночевать в таверне!

Артас выдохнул — все-таки она очень на него похожа — и открыл входную дверь, пропуская дочь вперед.

Внутри все было ровно таким же, как можно было представить: куча круглых столиков, подобно грибам, разрослась по всему помещению, деревянные полы скрипели под ногами упитанных подавальщиц, а за винной стойкой в углу стоял старый мужчина и протирал тяжелые стеклянные стаканы тряпкой, уже потерявшей свою былую белизну за годы работы.

Стоило Артасу войти внутрь, как отовсюду послышались бурные приветствия и приглашения выпить. Старый таверщик, к которому приближалось семейство Лобелия, тоже не оставил их без внимания:

— Кого я вижу! — он поставил стакан на стойку и протер руки о штаны, готовясь к рукопожатию. — Это же наш дорогой друг! Давно не виделись. А что это за малютка с тобой?

Мавис поборол первое желание спрятаться за широкую отцовскую спину и, собрав всю смелость в кулак, сделала шаг вперед и гордо произнесла:

— Я – Мавис Лобелия, дочь Артаса и Туны Лобелия, прибыла из Изумрудных лесов.

После ее слов в таверне воцарилась тишина. Лицо Мавис залилось румянцем. Она начала подозревать, что стоило все-таки спрятаться за Артасом и сделать вид, что ее не существует. Но напрасно. Через секунду все присутствующие загалдели еще сильнее прежнего: «Ну дает! Настоящая дочь своего отца!» – доносилось со всех сторон. Мавис выдохнула, выпрямила спину и широко улыбнулась.

— О-хо-хо! — рассмеялся тавернщик. — Да в такой ласточке спрятался настоящий орел! Еще пару лет и вместе с папкой будешь наши винные запасы опустошать! Ну красotka! Жених-то еще не нашла?

— Нашей ласточке твой хромой племянник не товарищ, — Артасу, конечно, льстило такое внимание к своей любимой дочке, но нежелание ее пугать таким напором перевесило, так что заботливый отец решил побыстрее закончить все дружелюбные формальности. — Нам бы комнатку на две ночи.

— Предоставим лучшую, уважаемый лим и прекрасная лима! — тавернщик театрально поклонился и принялся листать отчетную книгу, чтобы сделать запись о новых постояльцах.

Таверна «Жабий луг» не изобиловала изысками и не отличалась чистотой. Комнаты были маленькими и пыльными, а из-за тонких оконных стекол доносились громкие голоса прохожих. Но Мавис, уставшая за долгую дорогу, не обращала никакого внимания на маленькие недостатки своего нового замка: жесткие простыни или крохотного паука, спрятавшегося в углу. Стоило ей только коснуться головой подушки, как глаза закрылись сами собой, а воображение рисовало чудесные картины приятного сна.

Все вокруг сияло и искрилось. На небе горели многочисленные звезды, видневшиеся даже при ярком свете солнца. Мавис в пышном платье с блестящей короной из множества драгоценных камней скачет по бескрайним полям на огромной зеленой жабе, от которой разносились ароматы вина и специй. Ветер развеивал подол платья и румянил щеки. Где-то рядом, ухватившись за лапы орла, размером под два метра, летел слуга с лицом тавернщика и кричал: *«Ваше Сиятельное Величество Мавис!»*

«Ваше Сиятельное Величество Мавис...»

«...Мавис...»

— Мавис, — послышался голос Артаса. — Мавис. Пора вставать.

Девочка лениво потянулась, не желая пробуждаться после долгого и приятного сна. Артас стоял напротив ее кровати уже полностью одетый. Пару секунд спустя Мавис резко поднялась с кровати, широко открыв сонные глаза:

— Уже пора?

— Спустимся позавтракать и поедем.

Этих слов было достаточно, чтобы прогнать последние остатки морока. Мавис со скоростью молнии вскочила с кровати, умыла лицо холодной водой из таза, переоделась и была готова спуститься вниз.

Завтрак, неказистый и немного подгорелый – все-таки таверна славилась своими вечерними развлечениями, – был проглочен так быстро, что девочка, казалось, даже не поняла, что именно ела. Все ее мысли были заняты предстоящей поездкой на драконье подворье. Именно там Артас обычно сдает выполненную работу и получает новые заказы. Мавис была в предвкушении.

Дорога до драконьего подворья была долгой – оно размещалось в отдалении от города, чтобы избежать несчастных случаев и просто любопытных глаз, как сказал Артас.

Повозка размеренно скакала по ухабам и кочкам проселочной дороги, пока не добралась до обнесенного высоким забором участка. Со стороны забор казался настоящей крепостью –

он был сколочен из прочных бревен, укрепленных железным настилом, и возвышался почти на четыре метра над землей.

Артас спрыгнул со своего места и подошел к воротам. Он схватился за толстый шнур каната, свисающего откуда-то сверху, и потянул. Тут же раздался приглушенный звон колокольчика.

Не прошло и пары секунд, как небольшое окошко, остававшееся невидимым все это время, с лязгом открылось, и в нем показались чьи-то глаза, обрамленные густой паутиной морщин.

— Руки оборвать кому-то надо! «Кто?» — сказал некто за воротами.

— Артас Лобелия. Кожу привез.

Глаза в окошке сощурились.

А это что за малявка? Посторонним нельзя.

— Мавис Лобелия – моя дочь. Не посторонняя.

Окошко быстро закрылось, послышалось недовольное бормотание и тяжелые ворота с громким скрежетом начали медленно открываться.

В ту же секунду в нос ударил тяжелый запах, вставший комом в горле. Мавис закашлялась. Артас положил руку ей на спину и слегка подтолкнул вперед – надо идти.

Внутри раскинулось огромное пространство – как будто целый город обнесли забором. Маленькие деревянные домики торчали тут и там, из их тонких труб шел густой серый дым. На низкой, истоптанной сотнями ног траве, роилось множество грубо сколоченных ящиков.

Людей здесь было много, все мужчины. Они ходили с суровыми лицами и красными носами от вечного насморка, руки их были мускулистые, закаленные тяжелой работой.

Мавис казалось, что она попала в настоящее логово чудовища, а все эти люди – стражники, охраняющие горы золота или принцессу. Или ищущие принцессу, которую можно будет охранять. Мавис замедлила шаг и юркнула за спину отца, крепко схватив его за руку.

Артас взглянул на нее и едва заметно улыбнулся, давая понять, что он здесь настоящий рыцарь и не даст в обиду свою принцессу, а уже через секунду вернулся к серьезному выражению лица, ведя грубый разговор со стражником, пустившим их внутрь.

Так она ходила, крепко сжимая руку отца, от одного домика к другому, ступая по уже намеченным следам впереди идущих. В одном доме Артас расписывался на целой стопке бумаг, в другом – получил небольшой кожаный мешочек, в третьем опять бумаги, а в четвертом они просто стояли, наблюдая, как ящики из повозки достают и кладут на их место новые.

Мавис успела было разочароваться во всем своем путешествии, как вдруг воздух сотряс громогласный рев, заглушив шум рабочей рутины. По телу Мавис пробежал рой мурашек, она ближе прижалась к отцу, обращая на него раскрытые от страха глаза.

— Это дракон, ягодка. Испугалась? — спросил Артас, погладив дочь по голове.

— Я? — Мавис отпрянула от отца, стряхнула с одежды несуществующую пыль и гордо произнесла: — Ни капли! А можно будет на него посмотреть?

Артас громко рассмеялся, наблюдая, как борются любопытство и страх в душе дочери, и ответил, что скоро она сможет посмотреть сразу всех драконов, если, конечно, захочет.

Спустя двадцать минут Мавис уже шагала впереди отца, весело подпрыгивая на кочках, по широкой каменистой дороге, ведущей к лесу.

Деревья здесь были не такие, как в Изумрудном лесу – их крона казалась жухлой и блеклой, листья росли редко и совсем исчезали с веток, по мере продвижения вглубь.

Вот, лес совсем закончился, впереди показалось большое поле, растянувшееся до самого горизонта. Трехметровый забор был лишь нитью вдалеке. Но это не самое интересное.

Мавис впервые увидела драконов. Пока они казались лишь точками, муравьями, но этого было достаточно, чтобы заставить ее прыгать от счастья. Эти точки были разные: одни

побольше, другие поменьше, одни красные, другие черные, коричневые, зеленые, как праздничная гирлянда.

Мавис, не в силах справиться с эмоциями, рванула вперед. Сердце ее колотилось, дыхание перехватывало, а в глазах все кружилось. Она бежала так быстро, что Артас не смог бы ее догнать, даже если бы попытался.

Драконы были такими, как она и представляла: большими, грозными, горячими. Но было здесь и кое-что, чего она не ожидала увидеть. Что-то, что скрывалось за широкими крыльями, длинными шеями и хвостами. Это были цепи. Везде цепи, жгуты и канаты.

Каждая лапа каждого дракона, будь он синим или красным, была скована тяжелой цепью шириной больше двух ног Мавис. Эти оковы держались на огромных кольях, вколоченных в землю. Морды перевязаны жгутами так, что нельзя даже приоткрыть пасть. Хвосты привязаны к задним лапам толстыми веревками, которые также удерживались кольями.

Мавис потеряла дар речи. Она лишь опустила руки и с жалостью смотрела на обездвиженных драконов, неспособных издать звук или пошевелить хоть одной частью тела.

— Папа... — тихо произнесла она. — А почему они связаны?

Артас к тому времени догнал дочь и стоял, тяжело дыша после быстрой ходьбы.

— Ягодка, а как ты думала? Они большие и опасные. Если их не сдерживать, то никому здесь несдобровать.

— Но им же больно! — Мавис почти плакала, указывая на одного из драконов, по лапе которого стекала струя алой густой крови — цепи натерли нежное место на сгибе. — Зачем их удерживать? Они же живые!

— Мавис, ягодка, — Артас присел на корточки, чтобы лучше видеть лицо дочери и чтобы она лучше видела его. — Драконы как куры или коровы: мы выращиваем их, кормим, некоторых отлавливаем, чтобы они не чинили беспорядки на воле, и забираем у них то, что нужно нам.

Мавис почувствовала острый укол в груди, ее внутренности как будто сжались и сделали переворот. В ее голове, голове маленькой девочки, которая мнила себя настоящей принцессой, драконы были великими и могучими созданиями, держащими в ужасе не просто отдельные города, а целые государства. Здесь же, в этом ужасном месте, они были лишь скотом, мучимым и убиваемым.

После она лишь следовала за отцом, коротко отвечала на его вопросы и иногда улыбалась, чтобы не тревожить его. Но, на самом деле, Мавис почти не слышала, о чем он говорит — она пряталась в каменном замке детских фантазий, пытаясь спастись от ужасного зрелища распостертых драконов и кровоточащих ран.

Мавис и Артас вернулись в город, когда солнце уже близилось к горизонту. Они прошли по шумным улицам до таверны, в которой остановились. Мавис так бы и осталась в уютом уголке своих мыслей, если бы неожиданно перед ее глазами не зарябило нечто яркое. Разноцветные краски, золотые переливы и заботливый голос отца прорвались сквозь баррикады в сознании девочки:

— ...надеюсь, тебе понравится.

И вот маленькая принцесса словно пробудилась ото сна. Гул переполненного города ударил в уши: сотни голосов, музыка, топот башмаков и копыт — все смешалось в один сплошной поток. Аромат пряностей, насыщенных духов и выпечки проник в ноздри. Глаза уловили бесконечные блики ламп и, самое главное, что вызвало такой интерес, — впереди стоял Артас и держал в руке большую книгу с яркой, разноцветной обложкой. После долгого дурмана Мавис показалось, что эта книга переливается всеми цветами радуги.

— Что это? — выдавила она, сгорая от нетерпения. Но вопрос был скорее риторический, ведь уже через секунду книга была у нее в руках.

Прочная обложка с изображением прекрасной девы с волосами цвета молока скрывала за собой множество слов и чудесных иллюстраций, старательно нарисованных умелым художником. Мавис сразу узнала деву – это была великая богиня Нотт. А книжка, вероятно, была про нее.

— Это мне? Я могу ее взять? — Мавис почти прыгала от радости.

Она всегда любила книги, но такие красивые издания были для семьи Лобелия роскошью. Книги продавались только в больших городах, а в деревнях или небольших селениях знания передавали на длинных листах пергамента, свернутых в трубочку. Так что Мавис даже не могла мечтать, чтобы получить такой подарок.

Увидев реакцию дочери, Артас залился румянцем и почесал затылок.

— Я неплохо выручил за последнюю партию, подумал, что должен сделать тебе подарок, чтобы ты точно запомнила свою первую поездку в большой мир.

Не успел он договорить, как Мавис уже накинулась на него с крепкими объятиями и поцелуями. Она была настолько счастлива, что отрывала от щек отца губы только, чтобы горячо произнести: «Спасибо!» и «Люблю тебя, папочка!».

Ужин прошел еще быстрее, чем завтрак. Мавис быстро проглотила две куриные ножки с вареным картофелем и убежала наверх – там ее ждал волшебный мир историй о богине Нотт.

«Давным-давно, когда в мире не существовало ничего, кроме ночной темноты и света звезд, на бесконечном небе возникли две яркие вспышки. Сотни лет они росли, становясь все ярче, пока не обернулись двумя прелестными девушками.

Обе они были высокими, длинноволосыми, с большими и ясными глазами. Обе они обладали такой красотой, что, если бы в мире существовал кто-нибудь кроме них, то он непременно приклонил бы перед ними колени. Но кое-что их все-таки отличало. Одна была тихой и хрупкой, могла долго-долго сидеть и наблюдать за мерцанием звезд. Так ее длинные волосы стали прекрасного серебряного цвета, впитав сияние небесных светил, а в глазах остались образы звезд.

Вторая девушка была шумной и энергичной. Она постоянно доставала первую, спрашивая, кто же из них милее, или пыталась разглядеть в пустотах неба свое отражение. Ее волосы и глаза так и остались черными, покуда не познали прелести всего сущего. Первую звали Нотт, а вторую – Солас.

Так прошли еще многие сотни лет. Девушки росли и набирались сил, пока однажды они не поняли, что стали достаточно могущественными, чтобы создать что-то помимо черного бескрайнего неба и сияющих звезд.

Нотт и Солас сложили руки, объединяя силы, в тот же миг их озарило сияние, не уступающее по красоте светилам. И под ногами у них появилась твердая почва, вдалеке зажурчала вода, а небо окрасилось голубым, ведь там появилась одна большая звезда, спасающая новый мир от вечного сумрака.

Нотт радовалась их созданию, ловила потоки ветра, любовалась цветами и по ночам продолжала наблюдать за звездами на небе. Солас смогла впервые увидеть себя в глади реки неподалеку. Днями и ночами она сидела на берегу и рассматривала в отражении свои длинные волосы и черные глаза.

Но вот однажды река вышла из берегов, и на том месте, где обычно сидела Солас, земля стала липкая и тягучая. Она не могла больше увидеть свое отражение, но хотела, чтобы кто-нибудь мог оценить ее красоту, раз она сама не может. Тогда Солас опустилась на

колени и окунула руки в вязкую землю. Она просидела так до самого захода солнца, а когда Нотт пришла ее проверить, то обнаружила сестру в окружении маленьких глиняных фигур: головы их были круглые, руки и ноги – кривыми и длинными.

— Они оценят мою красоту! — воскликнула Солас, продолжая лепить новые фигуры.

Так прошло еще много лет. Нотт больше не беспокоила сестру, а лишь наслаждалась природой и новым миром. А Солас, вылепив множество уродливых и кривых фигурок, собрала немного своих сил и вложила их в глиняные творения. Фигурки ожили. Они начали бегать по зеленой траве, купаться в реке и, конечно, восхищаться красотой прекрасной девы, что создала их».

Когда Мавис закончила читать, за окном уже занимался рассвет. Она протерла глаза и подошла к окну. Улицы уже давно опустели. Перед таверной можно было увидеть лишь два силуэта: один большой, очевидно, мужчина, а второй, вдвое меньше – ребенок. Мавис не смогла их разглядеть – глаза устали от долгого чтения, так что она перевела взгляд вверх, к горизонту. Там небо уже окрасилось в приятный медовый цвет.

Мавис отошла от окна и потянулась. Вдруг ее внимание привлекла некоторая странность – кровать, в которой должен был спать Артас, пустовала. Более того, она была в том виде, в котором он ее оставил с утра. К тому же, все то время, что она читала, ее никто не беспокоил. Мавис прислушалась – снизу едва доносились приглушенные голоса.

«Наверное, отмечает хорошую зарплату», — подумала она и улеглась в постель.

— И что, мы будем жить здесь? — спросил Ирвис, стоя посреди улицы, внимательно изучая скромное здание.

— Ну что вы, уважаемый лим. Мы остановимся здесь буквально на пару дней, — ответил мужчина, стоявший рядом с ним.

Мальчик недовольно вздохнул: его все еще мутило после долгого путешествия, сил совсем не осталось, даже для того, чтобы спорить.

Мужчина попытался что-то сказать, но его спутник не желал больше ничего слушать и просто направился внутрь.

Глава 3.

Минули годы, печаль улеглась,

Но небо заревом алым застлало.

882 год от вознесения богини луны Нотт.

Город Элден, столица.

Линум, укутанный плотным покровом ночи, уже давно погрузился в сон, однако не все его жители покорились власти жестких кроватей и подушек из гусиного пера. Многие обитатели Императорского замка до сих пор не сомкнули глаз: то были прачки, разглаживающие складки на дорогах портъерах, кухарки, натирающие серебро, или престарелый лакей, в обязанности которого входило зажигать и тушить многочисленные свечи, украшающие потолки и стены замка.

Однако один из обитателей не спал по более важной причине. Это был Цилис Барберия, приближенный императрицы, спешащий сейчас по темным коридорам дворца. Ему нужно было увидеть Ее Сиятельное Величество и прямо сейчас. Из-за этого мужчину разрывали противоречивые эмоции – Фессалия Лейтбат-Корнокс, чей звонкий смех по ночам был слышен еще издалека, ненавидела, когда ее тревожили в личных покоях, особенно в столь поздний час, но полученная информация была слишком важна.

Цилис добрался до нужного этажа, прошел практически на ощупь до нужной двери и уже мог различить отдельные слова и обрывки фраз, заглушаемые толщиной каменных стен. Мужчина постучал. Тут же воцарилось молчание, чтобы через секунду послышался суровый голос правительницы:

— Проваливайте, Ее Сиятельное Величество не расположена к аудиенциям!

— Великая премногоуважаемая лима... — начал мужчина, скукожившись под давлением властного и угрожающего тона. — Приношу свои глубочайшие извинения за столь грубое беспокойство. Но мы получили данные, которые могут понравиться ее Сиятельному Величеству.

— Входи.

Цилис тихонько приоткрыл дверь. Ему в нос тут же ударил тяжелый аромат благовоний и липкий запах разврата. Он опустил голову, стараясь не заметить то, что замечать ему не положено. Но глаза все же успели уловить очертания покоев Ее Величества.

В самом центре стояла большая дубовая кровать с розовым балдахином, на мягких перинах которой восседала императрица, едва прикрытая одеялом. Рядом с ней лежали двое мужчин, ничуть не стесняясь своей полной наготы. Это были императоры сияющей империи Линум.

Только царствующим особам допускалось иметь двух мужей. И нынешняя императрица сполна пользовалась этим правом. Такое правило повелось испокон веков, из «темных времен», когда главенствующую роль в государстве отдали женщине. Тогда, первая правительница решила, что для безопасности и крепости государства одного мужа недостаточно. И все последующие правительницы не стремились менять существующий порядок.

— Докладывай, — Фессалия всеми фибрами своей души показывала, что не намерена долго слушать.

— Лим Вейлис, разведчик, отправленный на территорию Беллы, вернулся в столицу. Слухи о смерти младшего наследника Пауля Ренваля подтвердились.

— Продолжай, — на лице Фессалии появилась едва заметная улыбка.

— Когда наша армия пересекла границы империи, одна из нянек сбежала с ним из дворца, но, осознав тщетность своих намерений, вероятно, напоила его ядом, а сама удушилась. Тела были обнаружены в лесу.

— Надеюсь, вы уверены, что это тело принадлежит именно наследнику?

— Так точно, Ваше Сиятельное Величество, при нем был фамильный перстень и Императорский жетон.

Фессалия рассмеялась. Такие новости ее действительно обрадовали. Она протянула руку к прикроватной тумбочке и взяла бокал вина, наполовину пустой, и сделала большой глоток.

— Так что же, победа над Беллийской империей почти у нас в кармане? Этот старый дурень наверняка не выдержал смерти любимого щенка, того и гляди может сам сделает за нас всю грязную работу.

— Безусловно, наша армия непобедима, но здесь все не так однозначно... — Цилис переступил с ноги на ногу, все еще рассматривая носки своих ботинок. — Их солдаты сражаются отчаянно и пока не готовы отступить, к тому же их ряды еще не покинул старший наследник...

Фессалия не дала ему договорить:

— Именно поэтому ты должен закончить свой проклятый эксперимент! Цилис, ты слишком долго испытываешь мое терпение.

— В-ваше Сиятельное Величество... — на лбу мужчины выступили крупные бусинки холодного пота. — Мы далеко продвинулись и совсем скоро...

— Скоро? Когда скоро? — приподнятое настроение Фессалии исчезло так же быстро, как и появилось. — Когда Линум сгорит в проклятом огне этих беллийских свиней? Я даю тебе семь дней, Цилис! И если к тому времени ты не добьешься результатов, то восьмой день будешь встречать на виселице!

— Но у нас еще очень мало данных...

— Да ко всем святым пусть идут эти данные. Плевать. Если за семь дней твоя подопытная крыска не содохнет, значит эксперимент прошел удачно. А теперь проваливай.

Цилис не стал спорить, несмотря на множество слов, застрявших у него в горле. Он просто быстро поклонился и вышел в коридор, плотно закрыв за собой дверь. Сзади тут же возобновились голоса и смех.

Долина Изумрудных лесов.

Мавис проснулась не в духе — с самого рассвета ей не давали нормально поспать. Сначала курицы верещали как чумные, а затем проснулись домашние. Она искренне пыталась игнорировать надоедливый шум, закрываясь с головой под одеялом, но к семи утра ее терпение лопнуло. Даже аромат домашнего хлеба не мог ее успокоить.

Девушка поднялась с постели и направилась к тумбочке у двери. Там стоял таз с чистой холодной водой. Мавис вздохнула, но промолчала. Она лишь окунула руки в таз и принялась недовольно тереть лицо.

После не особо приятных водных процедур она промокнула кожу полотенцем и повернулась к зеркалу — оно висело рядом с тумбой. На одном из углов виднелась трещина. Но девушка смотрела не туда, ее смутил не скол, не спутанные длинные волосы, не маленькие бугорки, с

недавних пор выпирающие из-под одежды, ее смутил прыщ! Огромный красный прыщ, ярким пятном отмечающий, где находится подбородок.

— Ради всего сиятельного! — закричала она, припадая к стеклу, чуть не ударившись лбом. — Почему?! Почему опять?!

Все ее негодование нельзя было облечь в столь простые слова, но она уже давно уяснила, что в доме тонкие стены и не нужно всему миру раскрывать свои познания в сфере бранных слов. И словно в доказательство этого снизу послышались голоса:

— Что случилось, ягодка? — это был Артас.

— Все в порядке? — а это уже Туна.

— Да! — закричала Мавис, пытаясь хотя бы громкостью вытеснить из себя весь накопившийся гнев. Ей хотелось бить посуду, ломать стены, провалиться под землю, но все, что она смогла, это коротко ответить «Иду!» на мамино приглашение к завтраку.

Внизу уже все собрались, ожидая горячий хлеб: Туна хлопотала на кухне, разнося на весь дом звон посуды, Артас чинил старые сапоги, а Дин, как будто только и ждал, когда Мавис спустится.

— О Богиня! — воскликнул он театрально, скривив самую уродливую рожу на свете. — Похоже кого-то пчелы покусали! Мама, у тебя случайно не осталось примочек из коровьей мочи?

— Захлопнись, Дин! — ответила Мавис и уселась за стол.

— Точно... — парень поднес руку к подбородку, сделал задумчивое выражение лица и через секунду, ударил себя по ноге, изображая момент невероятного научного открытия. — Я ошибся! Ты так сильно хотела сестренку, что решила вырастить ее на своем лице! Гляди, я, кажется, вижу ручки!

— Юродивый! — воскликнула Мавис, ударив по столу. Это слово было самым грубым из разрешенных для произнесения при родителях. — Продолжишь вести себя как идиот, так никогда и не узнаешь откуда дети берутся!

— Не велика наука! Ты лучше скажи как тебя с таким лицом до сих пор в справочник «Великих и ужасных чудовищ современности» не занесли?

Мавис уже собиралась ответить, прокручивала в голове варианты поязвительнее, как в комнату вошла Туна, в своем обычном фартуке, уже заметно износившемся, за долгие годы использования, и поставила на стол большую тарелку с румяными булочками.

Артас тут же убрал сапог, дети замолчали. Туна сделала быстрое замечание своим чадам, но не акцентировала внимания слишком сильно, поскольку сегодня для нее был счастливый день – пришли письма от старших детей. Она хлопнула в ладоши, объявила об этом событии всем и вынула грязный измятый конверт из кармана своего фартука.

Те секунды тишины, повисшие после речи Туны, показались Мавис странными, даже гнетущими. Но она промолчала, всматриваясь в конверт.

Туна быстрыми и аккуратными движениями разорвала тонкую бумагу. Все глаза были устремлены на нее. Как вдруг откуда-то издалека послышался гул. Сначала едва различимый, потом он становился все громче и громче. Теперь можно было разобрать топот копыт и голоса людей. Это слышали все.

Родители, переглянувшись, в панике что-то кричали друг другу. Топот копыт становился все громче.

Заботливые руки матери грубо подтолкнули дочь наверх.

— Быстро, собирай вещи, — бросила она и убежала к Артасу, уже выходившему во двор.

Мавис не понимала, что происходит, но явно что-то нехорошее. Она пулей метнулась наверх, взяла походный мешок и встала посреди комнаты. А что брать? Зачем вообще собирать вещи? Она скидала в мешок несколько платьев, носков и старую книгу, которую ей подарил отец. Это заняло у нее не больше минуты. Но шум становился таким громким, что виски начали

пульсировать. Мавис бросила быстрый взгляд в окно, и сердце ее упало – на улице все было в огне, алое зарево затмило утреннюю синеву неба.

Она вскинула мешок на плечо и ринулась вниз, спотыкаясь и чуть не падая. У лестницы стоял Дин. Лицо его озарила гримаса ужаса. Он вцепился в руку Мавис и с силой потащил ее к заднему выходу.

Девушка успела лишь бросить взгляд на распахнутую входную дверь: она увидела орду солдат, облаченную в доспехи, множество коней и оружия. Алое пламя поглощало все на своем пути: забор, старый сарай, поленицу. Все. Горело все. На ее глазах выступили слезы. Ведь кроме пожара, Мавис увидела распростертое тело своей матери. Она лежала неподвижно. А чуть дальше – Артаса, склонившего колени. Его грудь пронзало длинное копьё. Кровь из раны была алой. Алой и густой. Совсем такой, как кровь дракона.

Дин вытащил Мавис на улицу, его руки дрожали, а на лбу собрались крупные капли холодного пота. Он взглянул на сестру, стоящую перед ним. И крепко сжал ее в объятиях.

— Беги. Беги, и не оглядывайся! — тихо прошептал он и тут же высвободил, почти вытолкнул ее из своих объятий. Мавис стояла на месте. Она не понимала, что происходит. Кровь и крики смешались в одно. Может все это сон? Может это все кажется?

— Беги! — закричал Дин и толкнул ее в сторону леса. Солдаты уже окружали дом, некоторые зашли внутрь. Секунда промедления, и отсюда уже не уйдет никто.

И Мавис побежала. Босиком. По полям, по земле, в сторону ярко-изумрудного леса. Туда, где должно быть безопасно.

Она подождет и потом вернется. Она заберет маму, папу и брата. Они снова сядут все за стол и больше никогда не вспомнят об этом дне. Она вернется, чуть позже, но вернется и все ее будут ждать.

У самой кромки леса, когда оставался еще шаг и Мавис исчезнет в густых зарослях, она обернулась. Любимый дом, великий замок семьи Лобелия был окутан огнем. Не осталось ничего. Только черные доски и истоптанная трава.

Дин стоял на месте, сжимая поднятую с земли палку. Он старался сдержать стражников. Старался остановить, выиграть для сестры хотя бы несколько секунд. Но в момент, когда Мавис повернула голову, противник ее брата нанес решающий удар. Дин упал, тело его залила кровь. Больше он не двинулся.

Мавис не могла больше ничего видеть из-за черного дыма и слез на глазах. Она нырнула в лес и помчалась далеко вглубь.

Голоса стражников доносились, казалось, со всех сторон. Запах гари становился все сильнее. Она бежала, ранила ноги о камни, царапая лицо об острые ветки. Дыхание ее давно сбилось, легкие сдавило, кислорода не хватало. Но она по-прежнему бежала, не сбавляя скорости. Бежала, пока не упала без сил.

Глава 4.

В еловых ветвях та дева спаслась,

Сердце ее жаждой мести пылало.

Город Нервен.

Нервен был совсем маленьким городком, больше похожим на деревню. Жители здесь были бедными, в основном занимались земледелием и скотоводством. От деревни его отличала небольшая церквушка в центре города и пара торговых лавок. Но ассортимент там не отличался ни разнообразием, ни качеством товара.

Торговцы заезжали сюда редко, потому что понимали, что на бедном населении много не заработаешь, так что на полках и витринах Нервена можно было найти в основном глиняную посуду, простенькую одежду из грубых тканей и сушеные лекарственные травы, собранные недалеко от города.

Постоялых дворов, гостиниц и таверн здесь тоже не было, зато местные жители с удовольствием пускали редких путников переночевать в сараях или на сеновалах за парочку звенящих монет. Условия обычно были не ахти, но за небольшую доплату можно было получить тарелку пресного капустного супа и краюху черствого хлеба.

Так в одной из конюшен и остановились два путника. Один взрослый мужчина, на чьем лице время оставило свои шрамы, по имени Морис. И юноша, в простых одеждах, с черными волосами цвета воронова крыла.

Они уселись на грубо сколоченные ящики, стоящие посреди конюшни. Животных там не было, но воздух, казалось, был пропитан запахом овец, гнилых овощей, да еще чего похуже.

— Надолго мы здесь? — спросил юноша по имени Ирвис. Голос его уже сломался, но все еще отдавал легкой хрипотцой.

Его глаза равнодушно блуждали по скромному убранству конюшни, игнорируя сырость и грязь, пока наконец не наткнулись на зияющий просвет между старыми досками стены, в котором виднелся кусочек яркого голубого неба.

— Придется задержаться, — мужчина был поглощен чтением длинного письма и, чем дольше его глаза бегали по строчкам, тем более хмурым становилось его лицо.

— Ясно, — коротко ответил юноша и спрыгнул с ящика. Разговор на этом был закончен.

Ирвис направился к выходу из конюшни — большим, покосившимся дверям, не способным сдержать даже самый слабый порыв ветра. Там, на улице, стояло чудесное раннее утро. Солнце заливало раскинувшиеся вокруг поля, на где паслись пятнистые коровы с большими закрученными рогами, пестрые курочки и пушистые овцы. Западный ветер нежно обдувал зеленые заросли, создавая иллюзию настоящего зеленого моря и быстро неся облака куда-то прочь.

Ирвис вышел наружу, туда, где свежий воздух помогал очистить разум и достичь спокойствия. Он остановился и сделал глубокий вдох.

«Пахнет дымом», — подумал юноша.

Долина Изумрудных лесов.

Мавис очнулась среди густого непроглядного леса, когда все вокруг уже погрузилось в сумрак. Все ее тело было в ранах и ссадинах, которые неприятно болели и щипали. В волосах и одежде застряли колючие еловые иголки. Ее ноги, измученные и истерзанные долгим бегом, ныли и были все покрыты черной грязью.

Когда девушка открыла глаза, то не поняла, где находится. А когда ужасные картины горящего дома и убитых родных, вновь возникли в памяти, ее тело обуяла крупная дрожь, а из глаз полились слезы.

Она содрогалась и рыдала, крепче сжимая походный мешок, от которого все еще пахло свежее испеченным хлебом. Ее плач больше походил на крик загнанного в угол зверя, такой громкий, пронзительный, что любой услышавший его, быстрее припал бы к ногам неутешной девушки, чем прошел мимо. Но ее никто не слышал. В этом густом лесу на расстоянии нескольких километров не было никого, кроме птиц, мышей и зайцев, в страхе убежавших от ужасных стенаний девушки, за одно утро потерявшей почти все, что имела.

Когда дрожь унялась, а в глазах не осталось слез, уже наступила глубокая ночь. Звезды, сияющие далеко в высоте, едва виднелись сквозь верхушки деревьев. Мавис обратила к ним свой взор и впервые в жизни помолилась. Она не знала молитв, или правильных обращений к Богине, но ее душа сама попросила воззвать к Создательнице.

Девушка молилась долго, сложив руки на груди и зажмурив глаза. Она не просила все вернуть как было, не просила воскрешения для родных или избавления для себя. Она просила успокоения для души. Просила сил все это пережить. Просила шанс узнать правду. И задавала единственный вопрос: «За что?».

Спустя долгое время, казавшееся одновременно вечностью и ничем, Мавис поднялась. Ноги не слушались, так что только третья попытка оказалась успешной. Она пошла. Но куда? Куда ей теперь идти? У нее больше нет дома, нет родителей. Остались только братья, сражающиеся где-то далеко на чужих землях.

Верного пути у нее не было, так что она пошла куда глаза глядят. Пошла вперед, сквозь колючие деревья, кустарники, траву и камни. Шла вперед, игнорируя боль. Все, что она могла, – это идти. Идти и держать все, что у нее осталось, – маленький походный мешок.

Так Мавис и шла, всю ночь и все следующее утро, пока не выбилась из сил. И только, когда ноги совсем перестали двигаться, она остановилась.

Взгляд ее упал на темное пятно, укрытое большими еловыми ветками, походившими на лапы огромного зверя, прикрывающего свой зев. Этим темным пятном оказался небольшой грот.

Там она и легла – на холодную сырую землю, подложив под голову походный мешок. Там, в этой земляной пещере, она проспала два дня.

«Земляные фигурки – творения Солас – за долгие годы существования начали развиваться. Их головы больше не были круглыми, ручки и ножки не были кривыми. Эти фигурки,

вылепленные из глины, под воздействием первозданных солнца и воды начали вытягиваться, расти и все больше походить на свою создательницу.

Когда однажды одна из фигурок заговорила, радости Солас не было предела. Ведь теперь они смогут не только лицезреть ее красоту, но и облачать свое восхищение в слова.

Солас тут же побежала к сестре. Она нашла ее на вершине горы, выросшей здесь совсем недавно. Нотт сидела, свесив ноги, на одном из уступов и любовалась открывавшимся пейзажем.

— Сестра! — воскликнула Солас. — Я сотворила чудо, ты должна это увидеть!

Так они и направились к глиняным фигуркам, весело лепечущим друг с другом. Нотт явно не одобряла такие изменения, ведь теперь эти уже почти разумные существа могут разрушить ее идиллию и уничтожить прекрасную природу. Но она любила сестру и хотела, чтобы та была счастлива, так что произнесла лишь одну фразу:

— Как ты их назовешь?

— Я назову их людьми, — ответила Солас, неотрывно наблюдая за своими творениями. Она даже не заметила, как Нотт ушла и снова взобралась на вершину горы.

Люди росли и вскорости стали почти такими же как их создательница — высокими, складными, разговорчивыми. Однако они не были такими же красивыми.

Сначала они построили дома, скромные и маленькие, затем начали заводить семьи и производить новых людей. Солас наблюдала за ними, а они за ней. Поэтому люди вложили все свои силы и ресурсы в то, чтобы построить место, в котором они бы могли поклоняться своей создательнице. Огромный храм теперь возвышался в самом центре маленького поселения. А Солас все время сидела внутри и принимала сладкие речи своих людей.

В один из дней, маленький сморщенный человек, самый первый из созданных пришел в храм и обратился к Солас не с поклонением, а с просьбой.

— Сиятельная Солас, наша богиня и создательница, удостойте чести своих глупых подданных — мы хотим есть. В округе не осталось ничего съестного.

— И что же я за это получу? — спросила дева, не привыкшая к такой дерзости.

— Нашу непомерную любовь!

Такие слова заставили Солас сжальиться — она вышла на берег и слепила новые фигурки. Это были разные создания, с копытами и хвостами, с рогами и лапами. Она вложила в них последнюю крупицу своих сил и больше не была способна ни на какие чудеса.

Так появились животные, что заселяют землю, воду и воздух.

Люди после того чуда стали восхвалять Солас еще больше — они писали стихи о ее красоте и добродетели, рисовали ее портреты, пытаясь запечатлеть хотя бы намек очарования своей создательницы. Каждый день приходили в храм. Каждое полнолуние устраивали большие гуляния в ее честь.

Солас была довольна. А Нотт так и сидела на вершине горы, лишь издали наблюдая за сестрой».

Долина Изумрудных лесов.

Когда беспробудный сон от изнеможения морального и физического отступил, Мавис открыла глаза. Руки и ноги замерзли, но благодаря теплоте лунному солнцу, согревавшему грот, не окоченели. Повсюду сновали муравьи и маленькие жучки с коричневыми брюшками. Раны на теле успели затянуться, но мышцы все еще болели.

Мавис приподнялась на руках. Мешок, на котором она лежала, был мокрым от слез, которые не переставая шли все эти два дня. Зато сейчас ее глаза были ясными и чистыми.

Все эти часы, проведенные в объятиях морока, она сражалась сама с собой. Металась между желанием исчезнуть и... И сделала выбор. Она больше не будет плакать. Ни отец, ни мать не хотели бы, чтобы она страдала, поэтому она сдержит боль внутри и обернет ее в свою силу. Она должна выяснить, почему все это произошло. Кто возненавидел семейство Лобелия настолько, что решил уничтожить его с лица земли. И самое главное – она отомстит своим врагам, врагам семьи Лобелия, чего бы это ни стоило.

С этими мыслями Мавис поднялась на ноги. Это было непросто, но она заставила себя двинуться в путь. Сначала надо выбраться из леса и найти еду. Дальше отправиться в столицу или приграничный город, в общем, в место, где бы она могла получить информацию о старших братьях, чтобы с ними связаться. Они наверняка знали намного больше Мавис о том, кому могло быть нужно уничтожить их семью и зачем, а даже если нет – вместе они что-нибудь придумают.

Пробираясь через пушистые елки по меньшей мере несколько часов, Мавис услышала чудесный и чарующий звук, который так долго ждала – это была вода. Она опустила голову и тут же заметила небольшой ручеек, совсем тоненький, такой, что его легко можно было пропустить. Девушка воспользовалась им как путеводной нитью – шла вперед, облизывая пересохшие губы.

Еще пару шагов. Еще немного. Вот она. Река. Прекрасная, журчащая, сияющая на солнце. Мавис бросилась к берегу, упала на колени и сразу опустила руки в прохладную воду, она стерла с них грязь и принялась жадно пить, зачерпывая живительную и столь желанную влагу ладонями. Она была с привкусом рыбы и водорослей, но в то же время казалась лучшей водой, которую девушке когда-то доводилось пить. Жидкость проникала в организм, даруя силу каждой клеточке тела, смачивала потрескавшиеся губы и до боли пересохшее горло.

Когда Мавис утолила жажду, она просидела возле берега еще несколько минут не шевелясь, как бы давая организму насытиться, переварить. А потом стянула с себя грязное, порванное платье и забралась в воду.

Холодные потоки омывали измученную кожу, ранки щипало, но душа преисполнилась спокойствия. Мавис хотела смыть с себя остатки этих ужасных дней, омыться, чтобы после встать новым человеком, с новой целью.

Девушка откинула волосы и с головой нырнула под воду – по спине пробежали мурашки, внутренности словно сжались, но она не обратила на это внимания. Мавис просидела под водой, слушая приглушенные звуки природы, пока воздух в легких не кончился и они не наполнились жаром. Только тогда она подняла голову и сделала первый глоток воздуха в новой жизни.

Мавис сидела, окутанная прохладой воды, наблюдая за трепетом шелестящих листьев и проплывающими облаками, как вдруг на другом берегу что-то зашевелилось. Она не испугалась – знала, что людей здесь нет, иначе птицы давно известили бы об этом. И действительно, в зарослях показался крупный серый заяц. Он выбрался к воде, настороженно озираясь.

Мавис перестала дышать. Она понимала, что шансов мало, но попробовать стоило. Девушка провела рукой по дну реки, на ощупь нашла камень и аккуратно достала его на поверхность, стараясь не издавать ни звука. Короткий вдох и через секунду камень летел в сторону зайца. Мавис вложила в этот бросок всю силу, которая у нее осталась. Секунда – и заяц упал там, где стоял: камень угодил ему прямо в голову.

Девушка подскочила и направилась к своей добыче, не веря своим глазам. Сначала она медленно шла, с трудом преодолевая давление воды, а когда стало совсем глубоко – поплыла. Там на каменистом берегу, не шевелясь и не дыша, лежала ее добыча.

Теперь она могла хорошо рассмотреть зайца, чья жизнь так внезапно оборвалась: его серая шерсть уже вся была покрыта сединой, он был худой и явно обессиливший, часть правого уха отсутствовала – видимо, стала жертвой в битве за выживание, а задняя лапа вовсе была изувечена, как будто этот заяц попал в капкан или в пасть к дикому зверю, но сумел сбежать.

Мавис склонилась над ним, положила руку на сердце и вознесла благодарность звездам за милость и возможность поесть. Она перенесла тушку через реку, туда, где осталась ее одежда и походный мешок. Затем облачилась в чистое платье, коричнево-серого цвета. Лучшего варианта у нее не было, а так хотя бы будет незаметной в тени деревьев.

Затем Мавис прошлась по окрестностям, собирая все необходимое: сухие ветки, несколько прутьев и кусок дерева. Старое платье пришлось разорвать на полосы. Хотя материал был дешевый, он отличался завидной прочностью – пришлось приложить немало усилий. Когда Мавис дернула в последний раз, разрывая толстую материю, из кармана платья вывалился какой-то мусор. Она не глядя запихнула его в мешок вместе с более непригодным для ношения платьем.

После началась самая утомительная работа: в куске дерева Мавис камнем выдолбила углубление, обвязала концы одной из веточек обрывком своего платья и вставила в получившийся «лук» вторую ветку. Так она начала добывать огонь. Сооружение из платья и ветки помогало тереть быстрее – потребовалось около десяти минут непрерывной работы, чтобы пошел едва заметный дымок.

Артас Лобелия считал своим долгом научить детей правилам выживания в лесу, конечно, храня в душе надежду, что они никогда не пригодятся, но всякое может случиться, когда вокруг твоего дома кроме леса ничего нет. Так что Мавис уже с пеленок знала основные принципы.

Однажды, когда выдался чудесный летний день, они всей семьей отправились в лес на пикник, взяли свежих лепешек и старое покрывало. Артас занимался сыновьями, которые только вступили в подростковый возраст. Мавис тогда была слишком маленькой, чтобы играть с ними, так что ей пришлось сидеть с мамой. Маленькой непоседливой девчужке это быстро надоело, и она отправилась на поиски приключений и волшебных созданий – эльфов или фей.

Но в тот день она встретила отнюдь не волшебных созданий, а вполне реальное животное, обитателя леса. Огромного, уверенно стоящего на четырех лапах. Его пушистый хвост вполне мог убить девочку одним взмахом. Взглянув этому монстру в глаза, Мавис пронзительно закричала:

– Вовк!! Тут вовк!!

Услышав крики, Артас, ни секунды не думая, бросился на защиту дочери. Конечно, в итоге это оказалась обычная лисица, которая испугалась даже больше, чем Мавис. Но сильные руки, обнимающие ее в тот момент, отпечатались в памяти девочки навсегда. С тех самых пор она считала отца героем, настоящим рыцарем, который ее всегда защитит.

Мавис, все еще орудовавшая веткой, сделала усилие, чтобы сдержать слезы, подкатившие к глазам после этого воспоминания. Вместо того, чтобы плакать, она подбросила еще прутьев, и огонь разгорелся. Далее в ход пошли сухие ветки, найденные неподалеку. Так у Мавис получился костер, который приятно обдавал теплом озябшее тело.

Закончив с этим, девушка вернулась к зайцу. Тут пригодился камень, которым она делала углубление в полене. Это была долгая и грязная работа. Все руки у девушки были в крови. Она никогда прежде не разделывала тушки животных, но видела, как это делала мама.

Тело Мавис действовало почти на автомате, как бы само снимало шкуру, высвобождало все, что не пригодно для еды, отделяло отдельные куски. Все это мероприятие выглядело мерзко, даже страшно, но Мавис не чувствовала ничего. Она знала, что если не это, то она умрет и тогда враги Лобелия возрадуются, ведь ее смерть была их целью. Мавис была на это не согласна. Она дала себе клятву и твердо намерена ее выполнить.

Разделав тушку, она насадила неаккуратные куски мяса на ветки и поджарила на костре. По вкусу старый и больной заяц, так легко принявший свою смерть, был отвратителен. Пресное и жесткое мясо отдавало горечью, но Мавис съела все до последнего кусочка, запив свой ужин водой из реки – у нее большие планы, а для этого нужны силы.

Следующую ночь Мавис провела спокойно, лишь иногда просыпаясь, чтобы подбросить веток в костер. Хотя сейчас погода и была не слишком холодная, все равно приятно, когда тебя греет хоть что-то.

Когда наступило утро, девушка взяла свой мешок и покинула берег, ставший ее приютом. Она двинулась по течению реки, надеясь рано или поздно выйти к людям. Будь там впереди деревня или город, получить еду и ночлег будет намного легче, чем здесь. А пока Мавис брела по каменистому берегу спокойной реки, рассекающей гущу елового леса на две половины, иногда останавливаясь, чтобы попить воды или прислушаться к звукам в надежде различить топот копыт или голос людей.

За время своего многочасового пути ей повезло заметить в плотных зарослях несколько небольших кустиков диких ягод. Она немного утолила голод и собрала остатки в мешок.

Мавис провела в пути, не останавливаясь, чуть больше десяти часов, когда лес начал редеть. Могучие деревья расступались, открывая взору распростертые на километры поля, засеянные пшеницей. Это был хороший знак — значит, рядом есть город.

Мавис, наконец, вышла из леса и вступила на пыльную дорогу, которую со всех сторон окружали длинные золотистые колосья, и двинулась дальше, держась поближе к кустам, чтобы в случае опасности можно было быстро спрятаться и остаться незамеченной.

Девушка шла медленно, иногда оборачиваясь, проверяя, не появится ли на дороге какой-нибудь путник или повозка, но все было тихо, пока чистый полевой воздух не рассек звон колокольчика. Мавис тут же нырнула в колосившуюся рядом пшеницу и застыла на месте, не дыша, прислушиваясь. Вдруг это стражники? Или имперская армия? Вдруг они узнали, что Мавис выжила и пошли в погоню, оцепили лес?

Но вокруг было по-прежнему тихо, лишь колокольчик размеренно звенел – *дзинь-дзинь-дзинь*.

Спустя пару минут, Мавис наконец решила осмотреться. Она привстала так, что только голова возвышалась над упругими колосьями. Ничего нет. Ни армии, ни лошадей, ничего. Тогда она поднялась во весь рост и прислушалась, откуда доносится звон. Оказалось, что там впереди, где золотые поля заканчивались, уступая место сорнякам и низким кустарникам, паслось стадо коров. Это были обычные коровы, разглядев которых Мавис даже отругала себя за излишнюю пугливость.

Крупные животные размеренно ступали по мягкой траве, греясь на теплом солнышке. Рядом с ними не было пастуха. Они просто гуляли сами по себе. На шее самой толстой коровы висел колокольчик, который так напугал Мавис.

В последний раз оглядевшись, девушка быстрым шагом направилась к животным. Там были всякие разные коровы – пятнистые, черные, коричневые, молодые и взрослые. Парочка из них забавно раскачивалась из-за толстого пуза, выпирающего сильнее, чем у прочих – они были беременны.

Подобравшись совсем близко, Мавис остановилась, давая животным себя рассмотреть, а когда поняла, что их интерес исчерпан, двинулась к той самой корове с колокольчиком. Она была коричневая, с короткой жесткой шерстью и большими пушистыми ресницами. Мавис погладила ее по животу и в последний раз убедившись в ее добродушном характере, опустилась на колени.

Рука девушки аккуратно коснулась вымени – оно было теплым и гладким – и принялась размеренно сжимать один из четырех сосков. Первое вышедшее молоко Мавис пропустила, а все остальное набирала в свободную руку и жадно пила.

Когда-то у них в семье была корова, черная, с тремя белыми пятнами на боку, она отличалась своенравным характером и чрезвычайно вкусным молоком. Ее звали Ключва.

Однажды Мавис пришлось ее подоить, по настоянию мамы, но, когда девочка чуть не получила копытом из-за того, что слишком сильно ухватилась, сразу стало понятно, что дальше Мавис будет встречаться с молоком только в более безопасной обстановке.

В конце концов, Ключву продали. Нужны были деньги, чтобы отправить Руфуса и Блейна в столицу на службу. Хорошая была животинка, почти член семьи.

Напившись, Мавис еще раз похлопала корову, напоившую ее, по животу и двинулась дальше. Она шла весь оставшийся день, так что к вечеру сумела добраться до какого-то города. Людей здесь было не особо много, улицы не отличались оживленностью, но девушка все-таки решила дожидаться сумерек, прежде чем осмотреть окрестности.

Она уселась на траве, в нескольких сотнях метров от редкого ряда жилых построек. Она наблюдала, как прохожие снуют по своим делам, зажигаются тусклые лампы в домах, закрываются ставни, и последние пьянчуги разбредаются по домам.

Когда улицы совсем опустели, Мавис поднялась и направилась в город. Пока она выжидала, то не заметила ни одного стражника, так что опасаться можно было не в полную силу.

Город этот оказался настоящим захолустьем, ни одного тебе бара или таверны, даже гостиниц не было. Торговых лавок тоже оказалось минимум, а у тех немногих, что имелись, окна даже не были закрыты ставнями или железными решетками, а это значит, что брать в них было нечего. Ну и ладно. У Мавис все равно не было денег, чтобы хоть что-нибудь купить. А такое скромное развитие города было даже плюсом, ведь здесь Имперской армии точно нечего делать.

Достаточно осмотревшись, Мавис уже собиралась покинуть город, чтобы переночевать где-нибудь, где ее не найдут пастухи или ремесленники, с утра пораньше направляющиеся на службу, как вдруг она заметила на земле, в грязи и пыли, старую скомканную газету. Девушка подняла ее и быстро пробежала глазами по заголовкам; кое-что ее заинтересовало, если не сказать – возмутило:

«УЖАСНЫЕ СОБЫТИЯ В СВЯЩЕННЫХ ИЗУМРУДНЫХ ЛЕСАХ.

Сегодня стала известна информация о всепоглощающем пожаре в самом центре Изумрудных лесов. Гордость нашей империи – многовековые деревья, хранившие память еще о наших предках и их предках, – оказалась уничтожена огнем.

Пожар возник ранним утром по неизвестной причине. Огонь почти добрался до ближайшего города – Вириан. На помощь в тушении были направлены отряды огнеборцев и неравнодушные жители ближайших деревень и городов. Но большая часть леса оказалась безобразно изувечена и уничтожена.

По нашим данным на той территории проживало семейство некоего дубильщика драконьей кожи. Ни он сам, ни его семья не были найдены. В настоящее время все четыре члена семьи Л. Считаются без вести пропавшими. Если вам известна какая-нибудь информация о данных людях, просим вас немедленно сообщить по адресу, указанному на последней странице газеты».

Мавис стиснула зубы.

Лжецы. Негодяи. Все они. Пожар по неизвестной причине? Смех, да и только. Пропали без вести? Еще хуже! Надо же народу мозги запудрить. Артас Лобелия столько сделал на благо империи, а его не удостоили даже упоминания! Да в этой проклятой газете за деревья больше переживают, чем за людей!

Мавис разорвала газету на кусочки. Ее тело обуяла дрожь, а на лбу выступил пот. Юродивые.

Девушка швырнула куски бумаги на землю и, хорошенько по ним потоптавшись, направилась прочь.

Она вышла из цепких лап уродливых каменных домиков ничего не подозревающих горожан. Впереди виднелся лишь одинокий сарайчик, покосившийся настолько, что, казалось, порыв ветра не оставит от него и следа. Света внутри не было, так что девушка направилась прямо туда, в надежде, что это жалкое здание уже не используется и она сможет спокойно провести ночь.

Внутри оказалось пусто и тихо. Раньше здесь держали животных – запах стоял пренеприятный. По углам раскидано старое измятое сено, какие-то инструменты и ящики. Мавис прикрыла за собой хлипкую дверь сарая, которая в ответ издала пронзительный скрип, и улеглась прямо в сено, приобняв свой походный мешок.

Глава 5.

В ту ночь город тихий укрытием стал,

А имя чужое щитом обратилось.

Город Нервен.

Юноша и мужчина шагали по пустынным улицам города. Ночь уже подходила к концу, но небо все так же оставалось непроглядным. От обоих разносился тяжелый шлейф дешевого вина. Однако этой неторопливой прогулке предшествовали отнюдь не пирушка и разгульное веселье, а настоящие переговоры, которые, к слову, не удались.

— Вот стоило нам мозг морочить, если ответ все равно был «нет»? — задал риторический вопрос Ирвис. Он был явно не в духе от недавнего времяпрепровождения, да еще и местное вино ничуть не ударяло в голову, только и делало, что оставляло во рту неприятное вяжущее послевкусие.

— Завтра утром отправимся обратно на Туманный остров. Большого, чем сейчас, мы уже не добьемся, — сказал Морис, когда вдалеке уже показалось место их ночлега — старая конюшня кого-то из горожан.

— Этого мало — любая осечка приведет к краху!

— Понимаю, лим Ирвис. Но ничего не поделать — эти люди верят в свою правду.

— Эти люди хуже слепых куриц, — раздраженно ответил юноша.

Оказавшись в нескольких шагах от ветхого строения, ночь в котором обошлась им в несколько медных монет, Ирвис неожиданно остановился, вытянув руку в сторону так, что Морис уперся в нее грудью.

— Уважаемый?.. — начал было мужчина, но юноша нетерпеливо шикнул, указывая на приоткрытую дверь конюшни.

Ирвис оставил своего спутника позади, а сам бесшумно, словно кошка, направился внутрь.

Там он огляделся. Темно. Однако вечный сумрак Нервена не позволял глазам отвыкнуть от темноты, так что юноша сразу увидел чей-то силуэт — маленький, притаившийся в углу. Ирвис тут же опустил руку к своим сапогам и вынул оттуда острый кинжал, сияющий даже при тусклом свете звезд.

— Эй ты! Кто тебя прислал? — крикнул он в темноту. В ответ послышались лишь шевеления и неразборчивое бормотание. — Слышишь, имперское отродье, выходи. Засада не удалась!

Тень на мгновение застыла, а потом быстро поднялась. Она села. Даже без света можно было заметить, как трясется это создание, будто больной в приступе горячки. А еще можно было заметить длинные пшеничного цвета волосы, пухлое лицо и хрупкую фигуру девушки, сидящей на старом истоптанном сене. Это была Мавис. Юноша удивился, но не показал этого. Неужели в империи закончились солдаты, так что они решили отправить на смерть девчонку?

— Морис. Неси свечу! — отдал приказ Ирвис, приближаясь к девушке.

Он не знал, какой фокус она приготовила, так что был настороже, а когда выдалась возможность, резким движением, будто хищник, ринулся вперед, приставив острое кинжала к белоснежной шее девушки.

— Спрашиваю еще раз, кто ты, звезды тебя заберут, такая?! Кто тебя прислал? Откуда узнала, что мы здесь?

Но Мавис не шелохнулась. Ее захватил такой животный страх, что она даже забывала, как дышать. Уж слишком хорошо она ощущала холод металла на своей коже.

— Отвечай, — сказал юноша уже тише. Но это пугало куда сильнее, ведь в его хриплом голосе проступили безумные нотки.

Тут в конюшне появился тусклый желтоватый проблеск — мужчина зажег свечу и подошел ближе, к Ирвису. Лица всех присутствующих озарило светом.

— Так и будешь молчать?

С этими словами юноша надавил на клинок. Тело Мавис дрогнуло, а по шее пробежала тонкая струйка крови.

— Если так, твоя жизнь оборвется в следующую секунду. Надеюсь, ты готовилась к этому, когда соглашалась работать с этими засранцами за сущие гроши. Лучше бы пошла телом торговать. Да даже так сдохла бы достойнее.

Ситуация накалилась сильнее некуда. Мавис в панике бегала глазами, пытаясь найти хоть какой-то выход. Тело не слушалось. Все, что было в голове, — это разливающаяся боль от раны на шее и пронзительные голубые глаза юноши, которые буквально смотрели в душу. В самую ее суть, разрывая все, что попадет на пути.

Ладно мужчина, он выглядит старым, возможно, ей удалось бы от него сбежать или хотя бы спрятаться где-нибудь в траве. Но этот парень... С ним Мавис точно не справится. Он в самом расцвете сил, возможно, чуть старше. Тело у него сильное и, видно, закалено тренировками. А еще у него нож. Который, вероятно, оборвет жизнь Мавис и все ее планы, если она ничего не сделает. Оставалось только одно.

— Я... — начала девушка, но споткнулась. Давление кинжала ослабло, но она по-прежнему чувствовала, как из раны стекает кровь, пачкая ее платье.

— Ты? — терпение у юноши явно заканчивалось.

— Я М-Мелисса. Дочь кузнеца из Вириана, — ложь вырвалась сама собой. Раскрывать свою личность было слишком опасно.

— И какого проклятия ты тут забыла?

— Сбежала из дома. Думала, что тут никого нет. Если проблема в этом, я тут же уйду и забуду, что вообще кого-то встречала.

Ложь, словно панцирь, придала Мавис смелости. Паника, охватившая тело, облачилась в слова. И если они подействуют, она тут же умчится в лес, без оглядки и никогда не будет вспоминать ни о кинжале, ни о юноше, что сейчас угрожающе смотрит на нее.

— Сбежала? — Ирвис тоже немного расслабился, но слегка, так, что сможет заметить только человек, к чьему горлу подставлен нож.

— Да. Мать хотела выдать меня замуж. А я не хочу замуж. У меня не было выбора. Так, я могу идти?

Мавис уже собиралась встать, как руки юноши с силой пригвоздили ее к месту. Ясно. Живой ей не уйти.

Ирвис посмотрел на нее с презрением, его брови сошлись на переносице. Вдруг он заметил мешок, который девушка все еще сжимала. Он одним быстрым движением выхватил его и кинул в ноги мужчины. Тот, лишь слышав короткий приказ «обыщи», тут же приступил к делу.

Прошло несколько минут внимательного изучения вещей Мавис, оставшихся из прошлой жизни, прежде чем начало происходить хоть что-то.

Морис делал это молча, но девушка могла заметить, как хмурится его лицо, особенно когда он рассматривал какой-то клочок бумаги. И тут она вспомнила: это тот самый мусор, что вывалился из кармана платья, тогда, в лесу. Интересно, что это и почему этот обрывок так заинтересовал его.

Когда вещи закончились, а из мешка не вываливалось даже опилок, Морис подошел к юноше, всучил ему кусок бумаги и что-то прошептал на ухо. Мавис ничего не слышала: то ли они говорили слишком тихо, то ли из-за биения сердца, которое, казалось, вот-вот вырвется из груди.

Юноша изучил находку, а затем бросил ее к ногам Мавис и сурово спросил:

— Что это?

Девушка медленно опустила руки, аккуратно подняла листок, и на глазах ее навернулись слезы. Это было письмо, которое Туна хотела прочитать за завтраком перед тем, как все случилось. Наверное, Дин вложил его в ее карман, когда обнимал. Мавис сделала усилие, чтобы удержать эмоции – она обещала не плакать, – и быстро прочитала письмо, написанное таким знакомым почерком.

Однако что-то было не так: буквы разметались по странице, а некоторые слова были оборваны. Совсем не похоже на Руфуса.

«Матушка и отец, все,

Ситуация на фронте ужасная. Белла набирает силу. Блейна забрали в ком. пункт 2 недели н. От него нет вестей. Бегите подальше от границы. Грядет ч-то ужасное.

Отец, солнце терпеть не будет. Просочилось. Гнезда в опасности. Грядет кара.

Руфус».

Мавис нахмурилась. Она подумала, что пережитое отразилось на ее разуме слишком сильно, но перечитав письмо, она убедилась, что все так и написано. Однако понятнее от этого не стало. Что с Блейном? Что за шифр? Что вообще происходит?

Негодование на ее лице отразилось так сильно, что Ирвис даже не стал повторять вопрос. Он лишь сказал:

— С этого момента ты наша пленница.

Глава 6.

Встреченный путник что-то скрывал,

Но дева ему покорилась.

Город Нервен.

Мавис действительно стала пленницей. Такого поворота событий она не ожидала. Заточение в лапах Ирвиса и Мориса совсем не входило в ее планы. Их имена она узнала, когда проснулась от боли во всем теле, после ночи со связанными руками, и случайно подслушала их разговор.

Юноша и мужчина все время твердили о Туманном острове и каком-то плане. Но, когда разговор коснулся личности Мавис, они вышли из конюшни, так что услышать хоть что-нибудь было уже невозможно.

Девушка все еще была напугана, но ее состояние уже нельзя было назвать шоковым. Она смирилась. Конечно, было бы лучше, чтоб она никогда не забиралась в этот проклятый сарай или вообще обошла стороной Нервен – о своем местоположении она узнала все из того же разговора. Но имеем, что имеем.

Сейчас ее мысли крутились отнюдь не вокруг собственной судьбы, а вокруг злосчастного письма.

Почему Руфус писал загадками? Неужели он действительно был в курсе надвигающегося на семью Лобелия шторма? Но тогда почему не предупредил раньше? Или, может, не знал? Тогда зачем предостерегал отца? Потому что в последнем предложении письма точно угадывалось предостережение, только вот что оно значило – непонятно. Может быть, у семьи Лобелия, у Артаса все-таки были тайны, за которые он и поплатился? Это все равно слишком жестоко. Простой дубильщик не мог затевать ничего, за что могла бы пострадать вся его семья.

А что там с Блейном? Он всегда отличался отменным здоровьем, значит, его не могли забрать из-за какого-то недуга. Да и к тому же, если забрали, значит, силой. Значит, он тоже что-то натворил. Может, Блейн и Артас занимались какими-то черными делами, а Руфус знал об этом лишь отчасти? Но тогда, если все вскрылось, почему старший сын остался нетронутым? А если он предал отца и брата? Нет. Такого не может быть, он бы не стал так поступать, если бы знал, что их ждет. А если не знал?

Голова у Мавис совсем пошла кругом – столько вопросов, ответы на которые не узнать. Тем более сейчас, ведь она стала пленницей.

В этот самый момент, когда мысли вихрем кружились в голове девушки, дверь в конюшню резко распахнулась. Вошел Ирвис.

— Поднимайся, — сказал он приказным тоном. — Мы уезжаем.

Но Мавис не сдвинулась.

— Опять вздумала в игры играть? Если я не прикончил тебя вчера – это не значит, что я не планирую делать это сегодня.

— Нет, я пойду, но... — Мавис сжала бедра и поерзала на месте. — Мне нужно в туалет.

Лицо девушки залилось румянцем: конечно, она прожила всю свою жизнь в окружении парней, но все равно не привыкла так откровенничать. Особенно с незнакомцем, который даже имени своего не удосужился назвать и при любой возможности угрожал расправой.

Услышав ее слова, юноша закатил глаза:

— Ты действительно думаешь, что это сработает? Этому приему тысячи лет.

Мавис вспыхнула. Все это время она сидела смирно и не пыталась сбежать. Даже ночью. Конечно, она боялась, что Ирвис не спит, а просто приглядывает за ней из-за прикрытых век, но все же. Даже попытки не было!

— Да ты сам подумай! Я тут всю ночь пробыла, половину из которой вообще под вашим присмотром. Сами уже все кусты пометили, а мне даже на дорожку нельзя сходить!?

Ирвис опешил от такого напора. Его глаза расширялись все больше с каждым словом девушки, а в конце вообще сделались такими большими, что напоминали чайные блюдца.

— Ладно. У тебя две минуты, потом захожу.

Юноша собрался было выйти, но Мавис его остановила.

— Что, прямо здесь?

— Мне королевский нужник организовать? Или фарфоровый горшок?

— Ну ладно, как скажешь... — мочевого пузыря давил так, что было не до споров. В конце концов, животные, что жили здесь раньше, делали то же самое.

Ирвис, удовлетворенный ее покорностью, сделал шаг к выходу и снова услышал голос девушки:

— Эй! А руки?

Юноша обернулся и в глазах его было такое раздражение, что, казалось, они могли метнуть пару молний.

— Ты что-то больно болтливая для пленницы, жаждешь лишиться языка? Меня удивляет, насколько равнодушной к своей судьбе ты стала за эту ночь, девчонка.

— А как ты себе это представляешь? Я вроде не похожа ни на канатного плясуна, ни на фокусника! — Мавис повернулась к нему спиной и подергала руками, обвязанными веревкой, показывая их неподвижность.

Ирвис был на пределе. Такое нахальство было для него в новинку. Он просто не привык, чтобы к нему так обращались. Если бы не Морис, со всем этим было бы покончено еще вчера.

Юноша подошел к Мавис, все еще стоящей к нему спиной. Та, выпрямив руки, ожидала почувствовать долгожданное облегчение, причем не только в том самом смысле. Руки ужасно болели, веревки натирали нежную кожу — наверняка останутся синяки.

Ирвис выглядел серьезно. Слишком серьезно для человека, который должен просто развязать веревки. Мавис напряглась и еще раз дернула руками, как бы напоминая, что именно нужно сделать. Но дальше произошло то, чего она никак не могла ожидать. Руки юноши за долю секунды оказались под ее платьем и уже через мгновение стянули с нее трусы! Она даже закричать не успела, потому что этот проклятый извращенец уже выскользнул из конюшни.

Мавис стояла будто оглушенная, гадая, что сейчас произошло и что же ее удивило больше: такое нежелание развязывать ей руки или лицо юноши, залившееся ярким румянцем, в момент, когда его нахальные пальцы коснулись белья.

Прошло много времени прежде, чем Мавис, Морис и Ирвис двинулись в путь. Последний на девушку даже не смотрел, после того, что сделал. Это, конечно, хорошо, но, если уж начал дело, надо было и закончить. Страшно даже подумать, какое акробатическое мастерство Мавис пришлось проявить, чтобы вернуть белье на место, после того, как она закончила все дела. Между прочим, на это ей понадобилось куда больше двух минут, однако ее так никто и не побеспокоил, пока она сама не вышла из конюшни со словами «поехали».

Двигались они в старенькой повозке, в которую было запряжено сразу две лошади. Сильные и мускулистые. Таких отличных скакунов Мавис никогда не видела. Их семейная лошадь

Искра уже давно была не в своей лучшей форме, а других в хозяйстве не водилось. Интересно, что с ней стало?

Размеренно покачиваясь в повозке, Мавис думала еще и о своих спутниках. Они представлялись ей довольно странными, поскольку перестали излучать ауру опасности сразу после того, как нарекли ее пленницей. Мавис полагала, что не представляет для них никакой значимости, но по какой-то причине убивать ее они передумали. А на это грех было жаловаться.

«Может, я приглянулась Ирвису? — размышляла девушка. — Он же снял с меня трусы, а мама всегда говорила, что после такого мужчина должен звать замуж. Неужели папа тоже когда-то взял маму в плен? Хотя я лучше останусь обесчещенной, чем выйду за этого извращенца!»

Мысли Мавис все дальше уводили ее в какое-то безумие. Уж слишком скучно было несколько часов ехать в полном безмолвии.

Когда солнце достигло зенита, они остановились на привал, чтобы дать лошадям отдохнуть. Юноша и мужчина спрыгнули с повозки размять ноги, а Мавис осталась сидеть на месте. Спустя пару минут к ней подошел Морис.

— М... Мелисса, прошу, подойдите сюда, — сказал он на удивление добродушно.

Мавис встала и подошла к краю повозки. Интересно, почему он до сих пор с ней не разговаривал?

— Сядьте, пожалуйста, ко мне спиной.

Просьба была исполнена, так что спустя минуту девушка вдруг ощутила долгожданную свободу – веревки были сняты. Мавис с удивлением посмотрела на Мориса, но не успела ничего сказать, как тот ее опередил:

— Лим Ирвис попросил передать, чтоб вы не смели бежать. И я с ним согласен – это будет глупо.

Мавис лишь кивнула и слегка улыбнулась, как бы благодаря. Хотя, казалось бы, они сами ее и связали, за что тут благодарить? Но что-то в голосе мужчины подсказывало, что он не желает зла.

Девушка спрыгнула с повозки и направилась к реке, где уставшие лошади с наслаждением утоляли жажду. Подойдя к берегу, она опустилась на колени у самого края, а затем окунула руки в прохладную воду, сомкнула ладони лодочкой и собиралась поднести их к лицу, как вдруг услышала: «Дура!».

Мавис обернулась на крик, который, естественно исходил от Ирвиса и едва успела увернуться. В нее летело что-то большое и железное. Бах! Даже несмотря на то что берег устилала густая трава, звук получился такой, что даже лошади в испуге вздрогнули. Это оказалась фляжка.

Девушка бросила недовольный взгляд на Ирвиса, который уже смотрел в другую сторону, но фляжку взяла. Она бы обошлась и без этого, особенно с такой-то подачей, но раз этот извращенец не хочет, чтобы она пила из реки – так тому и быть. Ей же лучше.

Остальные дни прошли почти так же: Ирвис хранил молчание, иногда посылая Мориса, чтобы тот передал Мавис еду или воду. Но кое-что все-таки изменилось: за несколько дней пути девушка заслужила своим прилежным поведением почти полную свободу. Теперь она могла прогуливаться на привалах, а однажды ночью даже ушла подальше от стоянки, чтобы искупаться в реке.

Поначалу Мавис думала о побеге, но со временем эти мысли улетучились. Ее спутники такую перемену в поведении тоже уловили, так что не стали насильно держать девушку или ограничивать в перемещениях, хотя общаться с ней по-прежнему не спешили. Но это было даже преимуществом – можно разобраться в своих мыслях.

Одна она все равно не сможет добраться до столицы – слишком далеко. Тем более у нее нет денег, дополнительной одежды, еды и воды. Ладно хоть мешок из дома остался, пусть там и лежит одно целое платье, одно изорванное, книга со сказками и письмо от брата.

Но самым главным аргументом ее послушного поведения был отнюдь не тот факт, что здесь кормят и поят, а очередной случайно подслушанный разговор. Оказывается, после визита на Туманный остров Ирвис и Морис собираются в столицу! Мавис до сих пор не разгадала загадку своего пленения, как и то, зачем они отправятся в Элден, но кое-что девушка знала наверняка: она за ними увяжется, а там тихонько сбежит.

Сейчас же три путника, изнуренные долгой дорогой на повозке, запряженной двумя лошадьми, въезжали в город Мистхейз. В простонародье это место называли портом Трех туманов. Во-первых, здесь был порт, из которого можно было спокойно добраться до Туманного острова, а во-вторых, здесь почти круглый год землю застилала гладкая белая пелена, из-за теплых течений и холодных ветров.

Другой отличительной чертой этого города была рыба. Рыба везде. Сушеная, вяленая, жаренная, в пирогах и супах, на картинах и фарфоровых тарелках. В каждой таверне продавали рыбу с картофелем, рыбу с капустой, рыбу с картофелем и капустой. Рыба здесь была съедобная, нарисованная, вышитая, вязанная, да даже вымоченная и высушенная, прикрепленная к деревянной раме – чтобы и это издевательство можно было назвать сувениром. Рыбой здесь пах каждый уголок, каждый дом, даже ребенок, только что родившись, пах рыбой.

Такое помешательство нельзя было объяснить гордостью за свой рыбный промысел – это была вынужденная мера.

Мистхейз находился в отдалении от других городов, почти на самом краю Империи. Корабли сюда ходили часто, однако везти продукты было невероятно дорого и почти бессмысленно – большая часть съестного гнивала и портилась уже на полпути, а что доживало до пункта назначения было вялым, сушеным или замаринованным в банки.

Такая скудность продуктов с лихвой возмещалась разнообразием промышленных товаров. Ведь это единственное, что торговцы могли привезти, оставаясь уверенными, что заработают хотя бы пару мешочков блестящих монет.

Помимо рыболовов в Мистхейзе было много ремесленников. Они делали глиняную посуду для бедных и фарфоровую или стеклянную для богатых, шили платья, мастерили обувь, вышивали чудесные платки и перчатки, которые пользовались огромной популярностью даже в столице. Так что местные обеспечивали себя междугородней торговлей и питались одной только рыбой.

Еще, что успела заметить Мавис, – здесь было много стражи. Куда больше, чем в Нервене, однако, все они выглядели спокойными, если не сказать заскучавшими. Возможно, удаленность от границ империи Белла давала им спокойствие, что до них не доберутся. А если и доберутся, значит, уже поздно что-либо делать.

Когда день близился к своему завершению, Мавис и остальные подъезжали по узенькой мощеной дороге к небольшому стоящему прямо у берега домику. До порта, где находились причалы для больших кораблей и склады, от него было всего пару сотен метров.

Основание у этого домика было каменным, так что почти сливалось с дорогой, а стены деревянными, да еще и увешанными рыболовными сетями. Здесь, конечно, жил рыбак. Словно в доказательство, Мавис на глаза попала маленькая лодочка, неподалеку качающаяся на волнах, привязанная толстым канатом к палке, торчащей из земли.

Лошади остановились недалеко от домика. Ирвис и Морис спешили и подошли прямо ко входу. В маленьком окошке горел тусклый свет. Раздалось три удара. Через минуту-другую дверь распахнулась и на пороге показался тучный мужчина с засаленными волосами и совершенно лысым подбородком.

— Лим Ирвис? — сказал тот, от удивления вытаращив свои пороссячи глазки. — Я уж вас ждал не скорее, чем через три дня.

— Планы изменились, — строго ответил юноша. — Отправляемся сегодня.

— Но как же? — занервничал мужчина. — Уж ночь на дворе. Пролив нынче беспокойный, так и потонуть недолго.

Ирвис стоял к Мавис спиной, так что она не могла видеть его лица, зато эмоцию старого рыбака, более красноречивую, чем любые слова, она хорошо разглядела. Было понятно, что одного взгляда юноши хватило, чтобы пресечь все возражения.

Тучный мужчина скрылся в доме буквально на секунду, а затем быстро двинулся к своей маленькой лодке. По пути он заметил Мавис, все еще сидящую в повозке, их взгляды встретились. Мужчина казался озадаченным, но ничего не сказал.

— Так и будешь там сидеть? — раздраженно произнес Ирвис, обращаясь к девушке. — Или ждешь особого приглашения?

Мавис фыркнула и, закинув свой мешок на плечо, прыгнула на землю.

Первым в лодку полез рыбак. Увидев, как опасно это хлипкое суденышко закачалось, Мавис всерьез беспокоилась о возможности потонуть в этом проклятом проливе Забвения. Но делать было нечего, так что все четверо, разместившись, отчалили.

Рыбак сидел в задней части и греб веслами, на его лбу уже выступили капли пота, остальные трое ютились в передней части, усевшись на доску, перекинутую от одного борта до другого. Мавис оказалась с краю — это, конечно, хорошо, ведь их с Ирвисом разделял молчаливый Морис, но, с другой стороны, с этого места можно было легко вывалиться за борт.

На каждой волне, даже самой маленькой, лодка подпрыгивала и наклонялась то в одну сторону, то в другую. Мавис даже начало подташнивать, так что она решила хоть как отвлечься и стала оглядываться по сторонам, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь интересное.

Только вот созерцание окружающей природы отнюдь не успокоило девушку. Они уже отплыли достаточно далеко, так что огни Мистхейза затерялись за толстой стеной тумана, который словно пуховым одеялом окутывал поверхность воды. Ни сзади, ни спереди, ни по сторонам не было видно ничего, кроме молочной дымки. Они как будто попали в ничто и в негде. От этой мысли мурашки пробежали по коже. Тогда Мавис подняла голову, устремляя взгляд к небу. Она еще никогда так не радовалась звездам, ведь их приятное сияние значило, что они все-таки где-то.

Глава 7.

Вместе они сквозь туман пробрались,

Оказавшись в тайной обители грез.

Туманный остров.

Путь от Мистхейза до Туманного острова занял чуть больше часа. Уже спустя пятнадцать минут Мавис просто закрыла глаза, пытаясь скрыться от окружающей ее пелены, и слушала размеренный шелест воды под веслами старого рыбака. Так что о прибытии на Туманный остров она узнала, когда лодка уткнулась в берег с такой силой, что пришлось ухватиться за борт, чтобы не упасть в воду.

Девушка открыла глаза, однако все вокруг оставалось таким же черным и непроглядным. Глупо было надеяться, что туман рассеется сразу, как все четверо покинут лодку и вступят на землю. Этот остров же не просто так называли Туманным.

Ирвис выбрался первым, его заметно мутило после долгого плавания. Затем Морис и, напоследок, – Мавис. Рыбак дождался, когда его судно опустеет, а затем без единого слова отправился в обратный путь.

Юноша тоже не стал ничего говорить и сразу пошел куда-то вглубь острова, Морис за ним. Девушка просто стояла, но, когда услышала удаляющиеся шаги тут же бросилась к своим спутникам. Наверное, нет ничего ужаснее, чем здесь потеряться: из-за сумрака ночи и тумана нельзя было ничего разглядеть дальше, чем на расстоянии вытянутой руки.

Мавис поравнялась с Морисом и пошла с ним плечом к плечу.

— А зачем мы сюда приехали? — осторожно спросила она, так, чтобы Ирвис не слышал.

Сначала показалось, что Мавис говорила слишком тихо: мужчина остался совершенно равнодушен и несколько секунд шел в молчании. Но затем ответ все-таки последовал:

— Боюсь, вам это знать, пока не обязательно.

Пока? Что значит это «пока»? Мавис задумалась. Значит, она им все-таки для чего-то нужна. Но Морис, очевидно, ничего не расскажет, а у этого извращенца даже смысла нет спрашивать. Может быть, ответ в самом острове? Туманный остров, туманный остров... Мавис изо всех сил старалась припомнить хоть что-нибудь об этом месте, однако, тщетно. В книгах о нем не писали, родители тоже ничего не говорили. Значит, придется ждать и выяснять самой.

Потом все остановились. Впереди виднелась большая двухстворчатая дверь из тяжелых дубовых досок. Прошли внутрь, также не произнося ни слова. Они шли по коридору в крошечной тьме, поднимались по лестнице и постоянно поворачивали. У Мавис уже начала кружиться голова – она совсем не понимала, где находится.

Они снова остановились, послышался щелчок, а затем скрип двери.

— Входи. Ты спишь здесь, — сказал Ирвис, подталкивая девушку вперед.

Та послушалась. Снова скрип и щелчок. Мавис прищурилась, но в комнате не горело ни одной свечи, а свет луны или звезд не проникал, как будто окон вообще не было. Она смогла разглядеть лишь размытые очертания и густые тени.

Самое большое пятно стояло справа, у стены. Мавис пошла туда, не отрывая ног от пола, чтобы случайно ни обо что не споткнуться. Со стеной или шкафом она тоже не хотела столкнуться, поэтому вытянула руки перед собой.

Через пару шагов ее рука наткнулась на нечто гладкое и холодное. Это было что-то вроде трубы, только с засечками, и это нечто уходило к самому потолку. Девушка провела руками вдоль холодной поверхности и ощутила преграду в виде приделанной к трубе доски, не позволявшей спуститься ниже. Шаг в сторону, затем вперед. Руки больше ничего не обнаружили, тогда она опустила их ниже. И еще немного ниже... Мягко! Это была кровать! Кровать, застланная пуховым одеялом!

Мавис развернулась и начала медленно опускаться, словно пловец, разводя руки в стороны, ощупывая каждый сантиметр постели, отмечая необычайную шелковистость белья. Не обнаружив ничего опасного, она плюхнулась вперед, погружаясь в тепло и уют, так манившие ее.

«Как же здорово»! — ликовала про себя Мавис. Она много дней провела в дороге, спала на голой земле и жестких досках повозки. Тело ее устало и ныло от изнеможения. Да даже дома у нее не было такой большой кровати, а здесь можно было растянуться во весь рост хоть вдоль, хоть поперек.

Девушка укуталась в теплое одеяло, обнимающее ее израненное тело, положила голову на воздушную подушку из гусиных перьев и тут же погрузилась в сон.

И вот Мавис сидит на кухне своего дома. Маленькая. Все вокруг яркое и сияющее. Она чистит картофель своими детскими ручками, срезая вместе с кожурой до смешного много лишнего. С каждым касанием ножа картофеля становится все более квадратной.

— Мавис, солнышко, — послышался знакомый голос.

Девчушка подняла голову и увидела Туну в любимом истрепавшемся фартуке. Она отложила нож и побежала к маме, чтобы уткнуться лицом ей в живот и крепко обнять.

— Мавис, — повторил голос, но уже не так дружелюбно. — *Мавис?*

Атмосферу любви и уюта знакомой кухни пронзил всепоглощающий раскат грома. Ужасный, пугающий. Все вокруг застлала пелена. Мавис подняла голову и посмотрела на мать. В горле у нее застрял крик.

Мавис уже не маленькая, такая же, как сейчас. Она держит на руках тело Туны, истекающее кровью.

Еще раскат грома.

Туна исчезла. Вокруг все серое, как будто краски из мира пропали. Дома нет. Одни развалины. Все полыхает огнем.

Мавис сорвалась с места и побежала. Побежала вперед. Но вдруг кто-то схватил ее за руки. Она обернулась и увидела отца. Его тело, покрытое ранами и ссадинами, иссохло, а из груди торчало окровавленное копьё. Рядом появился Дин, он плакал, плакал кровавыми слезами, закрывая рукой глубокую рану на шее. Они держали Мавис, пачкая ее одежду кровью, оставляя синяки и царапины на коже.

— Отпусти! — закричала Мавис, дергаясь, но не в силах сбежать.

— Ты... — начал Артас, из его рта хлестали потоки густой крови. — Это ты должна была умереть, а не мы!

— Отпусти! — Мавис вскочила с постели. Тело ее била крупная дрожь, а из глаз текли слезы. Она пыталась прийти в себя после ужасного кошмара, но слова, что произнес ее собственный отец, эхом разносились в голове.

Вдох-выдох.

Вдох-выдох.

Вдох.

Выдох.

Мавис закрыла лицо руками, вытирая крупные капли, стекающие по щекам.

«Это кошмар. Просто кошмар. Папа бы не хотел, чтобы я умерла».

Она несколько минут сидела, спрятавшись в собственных ладонях, а когда ужасные картины больше не стояли перед глазами, опустила руки и огляделась. Теперь все вокруг казалось светлым и чистым.

Просторную комнату заливал яркий свет из большого окна с толстыми зелеными шторами. Повсюду стояла массивная деревянная мебель: пустой книжный шкаф, письменный стол, комод, стул, пара кресел с бархатной обивкой и крохотный пуфик у изножья кровати.

Мавис с изумлением разглядывала изысканную мебель. Она никогда прежде не бывала в столь роскошно обставленной комнате. На секунду ей даже показалось, что один только стул отсюда может стоять больше, чем вся ее прошлая жизнь. Но больше всего Мавис удивила кровать, на которой она провела целую ночь, даже не заметив все ее величие.

Резные опоры уходили к самому потолку, там соединялись перекладинами, на которых держался нежный шелковый балдахин, такой же зеленый, как шторы на окне. Изголовье поднималось высоко и было искусно украшено вырезанными рисунками драконов и чудесных птиц, с длинными хвостами и большими крыльями. Кажется, их называют фениксами.

Мавис вскочила с кровати, как только разглядела все это великолепие, вероятно, вырезанное настоящим мастером своего дела за невероятно огромную сумму денег. Она почувствовала себя грязной, недостойной. Может ей надо было спать на полу? Или в кресле? Ее просто не могли положить в такую кровать.

Девушка провела руками по подолу своего испачканного платья, пытаясь убрать въевшуюся грязь, но уже через несколько мгновений поняла, что это бессмысленно. Тогда она вновь окинула комнату изучающим, но более внимательным взглядом, и тут же заметила таз с водой, устроенный на комод.

Подойдя, Мавис опустила в него руки и принялась оттирать грязь с лица и коленей. К концу процедуры вода приобрела коричневатый оттенок. Затем она достала из своего мешка, который вчера бросила у кровати, последнее чистое и целое платье. На удивление оно отлично подходило к интерьеру – тоже было зеленым, только не благородным изумрудным, а скорее болотным, потускневшим.

Мавис переоделась, и теперь ее израненные руки закрывали длинные рукава, стертые колени – подол, а завершал образ небольшой круглый воротничок. Теперь она была готова пойти и выяснить зачем ее все-таки привезли на остров. Ну и поблагодарить за такую красивую комнату тоже можно, если, конечно, этот извращенец опять не будет важничать.

Девушка подошла к двери, схватилась за ручку и потянула. Нет. Толкнула. Тоже нет.

— Вот подлец! — не сдержалась она. — Мы же вроде все решили! Взял и запер меня! Извращенец!

Все следующие попытки также оказались тщетны: дверь так и не поддавалась. Тогда Мавис, исчерпав свой запас оскорблений, фыркнула и с серьезными намерениями пошла к окну, распахнула настежь створки и глянула вниз.

Второй этаж. Высоковато, но вдоль стен тянулся узкий выпуск. Девушка проследила взглядом вдоль него и обнаружила чуть поодаль лестницу, приставленную к стене. Если ступать осторожно, можно пройти.

«Прорвемся», – подумала Мавис и в следующую же секунду перемахнула через окно.

Выступ оказался чуть меньше, чем казалось на первый взгляд, на него можно было уместить только половину ступни. Однако Мавис все равно не сдалась: она двигалась плавно, осторожно, словно горная козочка, хватаясь руками за неровности стены.

Путь до лестницы занял, по меньшей мере, десять минут, но, когда ноги коснулись земли, девушка почувствовала себя настоящей победительницей.

— И далеко ты собралась? — послышался голос за спиной.

Мавис резко обернулась, чуть не потеряв равновесие.

— А ты тут что забыл, извращенец?! — лицо ее покраснело от злости и негодования.

— Доложили, что какая-то умалишенная из окна лезет. Вот пришел посмотреть, вдруг ты убиться пытаешься. И пока твой длинный язык доказывает мою теорию, — Ирвис стоял, скрестив руки на груди, лицо у него было очень недовольное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.